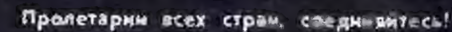

ОГОНЁК

№ 1 ЯНВАРЬ 1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

№ 1 (112[illegible])
1 ЯНВАРЯ 1949
27-й год издания

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Слова Алексея СУРКОВА
Музыка Сергея БУЛАТОВА

1. Вся в звездах
Над старым Кремлём синева,
И в сердце,
Как отзвук победного роста,
Как песня,
Рождаются эти слова —
Простые слова
Новогоднего тоста.
} 2 раза

2. Достойно и честно
Мы прожили год,
В дерзаньях смелы
И в труде неустанны,
За счастье,
За Сталина
И за народ
От чистого сердца
Поднимем стаканы!
} 2 раза

3. И клятву дадим:
По завету вождя
Нести высоко
Боевые знамена,
Бороться, и строить,
И, сил не щадя,
Пути в коммунизм
Пробивать непреклонно.
} 2 раза

С Новым годом, Родина!

Страна, человечество вступили в новый год, тысяча девятьсот сорок девятый...

С чувством законной гордости строителей коммунизма, разведчиков будущего, мы, советские люди, обращаем наши взгляды к череде событий минувшего года. Он надолго сохранится в нашей памяти, этот год великих свершений, третий год послевоенной сталинской пятилетки.

В календаре этого года советские люди — рабочие и колхозники, ученые и инженеры, люди тысяч профессий — отметили своим героическим трудом много дат, которые стали историческими. Эти даты легли прочными, гранитными ступенями на великом пути нашего восхождения к вершинам коммунизма.

Тысяча девятьсот сорок восьмой... Перед нами железным строем гигантов встают новые и восстановленные, поднятые из хаоса стального лома домны и мартены, прокатные станы, генераторы электросиловых станций, стальные жилы газопроводов, голубые ленты каналов оросительных систем, бетонные плотины водохранилищ, сотни километров новых стальных путей.

Тысяча девятьсот сорок восьмой... И перед нами стальным строем в простор колхозных полей по шумным магистралям городов растекаются с поточных линий заводов тракторы прославленных марок, поблескивающие лаком окраски и никелем отделки автомобили, юркие мотоциклы, велосипеды. Бесконечной чередой идут новые станки для заводов и механизмы для шахт и нефтепромыслов, тысячи комбайнов и среди них новые, невиданные на полях в довоенные годы, идут новые уборочные и культивационные машины для колхозов и совхозов, башенные краны и транспортеры для строек — гигантская армия машин, назначение которой — еще более облегчить физический труд, сделать его эффективнее, производительнее, умножить народное богатство, повысить благосостояние каждой советской семьи.

Тысяча девятьсот сорок восьмой... Это расширяющийся фронт строительства, промышленного и жилого, новые заводские корпуса и новые городские кварталы, новые театры, дворцы культуры и одевающиеся зеленью молодых аллей и скверов новые рабочие поселки. Это сотни тысяч сельских домов, выросших на пепле военных пожарищ. Это победоносное шествие «лампочки Ильича» по улицам колхозных сел, по избам и хатам колхозников, сила электрической энергии, приводящая в движение молотилки, сортировки, веялки, электродойки на колхозных молочных фермах. И вместе с электрическим током — шествие в деревенскую «глубинку» радио и кино.

Тысяча девятьсот сорок восьмой... Это все расширяющийся поток непрерывно улучшающихся в качестве и ассортименте товаров широкого потребления для жителей городов и деревень. Это укрепленный денежной реформой 1947 года наш советский рубль, незыблемая финансовая основа социалистического государства. Это выросшая вдвое покупательная способность заработной платы рабочего и служащего, доходов колхозника, непрерывное повышение материального благосостояния великого народа-труженика.

Тысяча девятьсот сорок восьмой... Это великая победа тружеников земли — богатый и обильный урожай, отбитый у природы упорным творческим трудом, вооруженным высокими достижениями советской агронауки, плодотворной мичуринской идеей, сильными и умными машинами, окрыленным патриотическим энтузиазмом тружеников полей. Это непрерывный рост поголовья колхозных и совхозных стад, овечьих отар, конских косяков на зеленых просторах пастбищ. Это еще новый шаг к достижению изобилия.

Велики трудовые победы, достигнутые народом в 1948 году! Куда бы мы ни кинули взгляд — везде мы приметим вещественные знаки победоносного роста.

И когда мысленно представишь себе гигантские социалистические победы прошлого года, невольно в памяти возникают слова Максима Горького: «Человек — это звучит гордо!» Да, гордо звучит слово Человек, когда это слово обозначает гражданина Союза Советских Социалистических Республик. За каждой цифрой сводок, обобщающей наши трудовые победы, стоит патриотический энтузиазм человека страны социализма, его работа, его неиссякаемая смекалка и изобретательность, его великое сознание ответственности гражданина — хозяина своей страны и своей судьбы. Таким его воспитала большевистская партия, таким его воспитали великие вожди Ленин и Сталин.

Миллионы советских людей собрались в новогоднюю ночь за праздничными столами, чтобы с честью проводить старый и с радостью встретить новый год. И сколько среди них людей, самоотверженный труд которых в 1948 году сделал их имена известными всему народу! Сколько среди них людей, на груди которых блистают знаки высшей трудовой доблести, Золотые звезды Героев Социалистического Труда, ордена и медали Союза! Сколько среди них людей, которые в 1948 году у себя на заводе, на колхозном и совхозном поле своим трудом уже обогнали первую послевоенную пятилетку на несколько лет, а иногда уже работают в третьей пятилетке! Вдохновенный пример этих энтузиастов социалистического труда, смелых новаторов ведет за собой многомиллионную армию советских тружеников, вдохновляет ее на новые трудовые подвиги. За их здоровье, за их смелость поднимались бокалы за праздничными столами в новогоднюю ночь!

И где бы мы ни были в эту ночь — в рабочей ли квартире, в крестьянской русской избе или в украинской сельской хате, среди горных пастухов Кавказа и Карпат, в воинской части или на пограничной заставе, среди ученых или писателей, — везде после того, как отзвучал и растаял последний удар часов, возвестивший наступление нового года, поднимался самый уважаемый из гостей и провозглашал здравицу за Сталина. И от одного упоминания этого дорогого миллионам тружеников имени становилось тепло и радостно на сердце и огоньки гордости загорались в глазах. Ведь в этом родном имени воплощено для нас все, о чем мы думали, что мы вспоминали, оглядываясь на прожитый год и всматриваясь в даль будущего.

И когда в братском новогоднем застолье звучало это светлое имя, мы видели перед собой наше будущее, залитое солнечным светом. Да, сталинская пятилетка осуществляется и будет осуществлена раньше срока, намеченного в плане. Да, великий поход против жестокой природы, возвещенный обнародованным в 1948 году эпическим планом закладки лесозащитных полос и развертывания грандиозных работ в области ирригации и всенародных агромероприятий, будет завершен победой над засухой, над коварными, опустошительными капризами природы. Да, мы построим коммунизм, и никакая сила, никакие козни мировой реакции этому не помешают.

Так думает, так говорит народ. А слово советского народа — закон.

Открытым и прямым взглядом мы смотрим в лицо новому, наступившему 1949 году. С надеждой и уверенностью встретили этот год и наши друзья за рубежом — народы стран народной демократии. И для них прожитый год был годом больших свершений, несущих в себе будущие победы. Вопреки заклинаниям и проклятиям, звучащим из стана мировой реакции, народные демократии стран Восточной Европы гордо отказались от ярма, именуемого «планом Маршалла». Смело совершенствуя свой народный государственный строй, они уверенно развивают свою экономику, вводя ее в плановое русло. Объединяя свои силы вокруг рабочих партий, истинных защитниц прав и интересов трудящихся, движутся они вперед, держа курс на социализм. И растущая изо дня в день экономическая, политическая и моральная мощь их великого союзника — Советской страны — укрепляет их уверенность в своих силах, поднимает их созидательный энтузиазм.

С иным самочувствием, с иными настроениями встретили наступивший 1949 год люди в странах, где свирепствует ослепленная страхом за свой завтрашний день капиталистическая реакция. Немного «побед» принес истекший год поджигателям войны, организаторам военного психоза. Как ни стараются хозяева с Уолл-стрита и их прислужники в Европе и других странах мира, им не удается и не удастся провокациями, «холодной войной», дипломатическим мошенничеством и всеми другими средствами, позаимствованными из арсенала гитлеровцев, запугать великий Советский Союз и страны народной демократии.

Немного лавров пожали каратели Софулиса—Цалдариса в их бесславной палаческой борьбе против греческого народа в 1948 году. Не поставили и не поставят на колени лакеи доллара героический рабочий класс Италии и Франции. Пылает, не угасая, огонь национально-освободительной борьбы в Индонезии и Вьетнаме. Искры, летящие из очагов этого пожара, разжигают пламя освободительного движения и среди других колониальных и зависимых народов мира. Холодным ужасом наполняют сердца империалистов всех стран блистательные победы народно-освободительной армии Китая. Как ни зверствует палач Франко, он бессилен подавить партизанское движение на многострадальной испанской земле.

И с каждым новым днем действия «плана Маршалла» миллионы простых людей в «облагодетельствованных» им европейских государствах видят, что это жернов, который тянет в омут экономику их стран. И с каждым новым шагом империалистов к превращению Западной Германии в свой военный арсенал раскрываются глаза миллионов людей в Европе и в самой Америке на природу и характер уоллстритовского «миролюбия» и «демократии».

Закончившаяся в декабре истекшего года очередная сессия Генеральной ассамблеи организации Объединенных наций воочию показала всему миру, кто на самом деле борется за демократию и прочный мир между народами и кто под прикрытием дымовой завесы демагогии, подлогов и клеветы стремится к новой мировой войне.

Да, мировая реакция, ослепляемая страхом перед коммунизмом, страхом перед растущей волей народов к подлинной демократии и свободе, готовит новое величайшее преступление перед человечеством. Но, к счастью, возможности империалистов далеко не безграничны. Величайший и дальновиднейший политический деятель нашего времени И. В. Сталин, отвечая на вопрос корреспондента «Правды»: «Чем все это может кончиться?», — сказал: «Это может кончиться лишь позорным провалом поджигателей новой войны. Черчилль, главный поджигатель новой войны, уже добился того, что лишил себя доверия своей нации и демократических сил всего мира. Такая же судьба ожидает всех других поджигателей войны. Слишком живы в памяти народов ужасы недавней войны и слишком велики общественные силы, стоящие за мир, чтобы ученики Черчилля по агрессии могли их одолеть и повернуть в сторону новой войны».

В каждой стране ширится фронт противников империализма, консолидируются, сплачиваются ряды борцов за прогресс и демократию. И глаза миллионов людей во всем мире обращены к оплоту мира и демократии — Союзу Советских Социалистических Республик. Во всех уголках земли виден яркий, неугасимый свет рубиновых звезд Кремля. И в новогоднюю ночь, слушая по радио бой кремлевских курантов, наши друзья за рубежом черпают бодрость и уверенность в мысли о стране, где народ стал хозяином и творцом своей судьбы и своего будущего. И теплее на сердце от сознания того, что есть на свете такая страна, где коммунизм становится явью, где люди полны веры в свои силы и уверенности в своем завтрашнем дне.

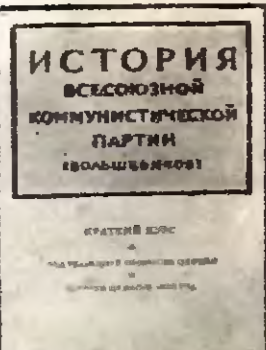
С Новым годом, Родина!

С Новым годом, великий народ-победитель!

Пусть 1949 год будет новой, неколебимой ступенью на твоем героическом пути восхождения к солнечным вершинам коммунизма. Мы сплочены и едины! В авангарде нашей великой армии идет славная партия Ленина—Сталина! С нами мудрый наш вождь, друг и учитель товарищ Сталин!

Год 1948

КОНЧИЛСЯ ГОД. МНОГО СОБЫТИЙ ВПИСАЛ ОН В СЛАВНУЮ ЛЕТОПИСЬ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ.

Исполнилось десять лет со дня выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». Миллионы трудящихся изучают это замечательное произведение марксизма-ленинизма.

Партия и правительство приняли грандиозный план борьбы с засухой. Европейская часть территории СССР покроется сетью полезащитных лесных полос. Во многих районах уже начаты посадки деревьев.

Богатый урожай собран в 1948 году. Республики и области рапортовали товарищу Сталину о досрочном выполнении и перевыполнении планов сдачи хлеба. Доверху наполнены золотым зерном государственные и колхозные закрома.

Вся страна отмечала столетие со дня смерти великого русского революционера-демократа В. Г. Белинского.

Вступил в строй действующих предприятий Харьковский тракторный завод.

1948 год страна жила без карточек. В результате денежной реформы и отмены карточной системы возросла вдвое реальная заработная плата трудящихся. Магазины полны товаров.

Год 1948

Ленинско-сталинскому комсомолу исполнилось 30 лет. В день славного юбилея орденами Советского Союза были награждены ВЛКСМ и комсомольские организации городов-героев. Правительственных наград удостоена также большая группа комсомольских работников. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник и секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов (справа) в Кремле во время вручения орденов.

Сто лет со дня выхода «Манифеста Коммунистической партии» — песни песней марксизма — отмечалось в 1948 году. Тысячи изданий на сотнях языков выдержала эта пламенная книга.

Советская спортсменка Мария Исакова в 1948 году завоевала среди женщин звание чемпиона мира по бегу на коньках.

Совет Министров СССР принял постановление о разведении эвкалиптов и цитрусовых в Крыму, в Дагестане, в Средней Азии, на Украине. Субтропические культуры будут расти в районах, где раньше их не было никогда.

Строители «Ростсельмаша» рапортовали товарищу Сталину о завершении восстановительных работ на заводе. На снимке: главный конвейер «Ростсельмаша».

За выслугу лет и безупречную работу награждена орденами и медалями большая группа советских учителей. На снимке: ученицы 583-й московской школы поздравляют учительницу А. В. Детищеву с награждением ее орденом Трудового Красного Знамени.

Год 1948

Столица Украины получила новое дешевое топливо. Газопровод Дашава — Киев сдан в эксплоатацию.

Столица нашей Родины Москва салютовала в честь доблестной Советской Армии. Ее славное тридцатилетие отметила вся страна.

Московскому Художественному академическому театру имени Горького исполнилось пятьдесят лет. На снимке: юбилейное заседание во МХАТ.

Советская культура одержала в 1948 году еще одну победу — М. М. Ботвинник завоевал почетное звание чемпиона мира по шахматам.

В 1948 году загорелся газ в квартирах ленинградцев. Из Эстонии он пошел в город Ленина. Секретарь ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) тов. П. С. Попков (слева) после торжественного митинга открывает заслонку газопровода.

Патриотический почин москвичей — увеличивать сверхплановые накопления — подхвачен всей страной. На снимке: мартеновский цех завода «Серп и молот», одного из 35 предприятий-инициаторов борьбы за московские миллиарды.

ИНАЯ ЭКЗОТИКА

Виктор ФИНК

Ташкентский корреспондент радиокомитета предложил мне поехать с ним в колхоз имени Сталина, Янги-Юльского района: он собирался записать на пленку беседу с выдающимися хлопкоробами, кандидатами на Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Я поехал. Путешествие было недалекое, и пробыли мы в пути — считая с дорогой, со звукозаписью и последовавшим чаепитием — каких-нибудь 3—4 часа. Но сколько можно увидеть за такое короткое время!

Правление колхоза находится в городке Янги-Юль. Это значительный промышленный центр: вы проезжаете мимо сахарного, хлопкового, маслобойного, консервного, молочного, винокуренного, кирпичного, авторемонтного заводов, мимо мясокомбината. В городе — театр, два кино, парк культуры, музей, школы, филиал Научно-исследовательского института хлопка.

До революции здесь был жалкий кишлак. Город возник в 1937 году.

Вот правление колхоза, оно занимает несколько зданий. Собственно, правление в одном здании, а в остальных — медицинский пункт, аптека, клуб, библиотека, читальня и радиоузел, используемый и для внутриколхозной связи. Поля колхоза как будто не так велики: 250 гектаров при 300 дворах. Но когда колхоз сеет хлопок, пшеницу и люцерну, разводит овец, свиней и птицу, когда есть фруктовый сад, 250 лошадей, когда идет интенсивное жилищное строительство,— короче, когда хозяйство миллионное, сложное и разнообразное, тогда радио в нем оказывается очень полезным. Все наряды, указания, вызовы передаются через микрофон и громкоговоритель. Так радио входит в ежедневный трудовой обиход среднеазиатской деревни.

Мы выехали для звукозаписи в поле. Уборка хлопка была в полном разгаре. Микрофон на высокой треноге водрузили прямо среди кустов. От него шли провода к автомобилю, на котором находилась аппаратура. Вот к микрофону подошла девушка, собирающая 100 килограммов хлопка в день. Корреспондент задавал ей вопросы, она отвечала. Разговор шел частично по-русски, частично по-узбекски, машина записывала. Вечером пленка улетела в Москву, и через день—два рассказ узбекской девушки о том, как она работает на уборке хлопка, звучал в мировом пространстве.

Когда звукозапись кончилась, нас позвали пить чай,— кстати, кончился рабочий день. Сначала мы попали в мелкую сетку переулков и тупичков. Высокие глинобитные стены огораживают усадьбу. Во дворе такой же глинобитный домик под плоской крышей, с подслеповатыми окошками, по-местному — кибитка. В кибитке сидят, едят и спят на полу. Так строили в Азии во времена Тимура и до него. Так и сейчас строят в Азии по ту сторону советских границ. Но в колхозе уже и это отходящее в прошлое, незатейливое жилище радиофицировано и освещается электричеством.

Кибиток осталось здесь несколько десятков из трехсот. Остальные снесены либо оставлены под службы, а дома построены новые: черепичная крыша, комнаты с широкими окнами, прихожая, кухня,— столы, стулья, платяные шкафы, патефоны, книги, газеты, электроплитки... Новые дома строятся по единому плану реконструкции кишлака. План разработан в архитектурных мастерских Ташкента.

Председатель колхоза имени Сталина Саттар Каюмов в колхозной радиостудии.

Хлопкоробы, с которыми беседовал корреспондент, были преимущественно молодые парни и девчата — между 17 и 20 годами. У некоторых красовались на груди ордена. Несколько человек пошли вместе с нами пить чай, и я мог с ними побеседовать. Так я узнал, что все они окончили семилетку, некоторые — десятилетку, и все имели в виду учиться дальше; двое мечтали о Тимирязевке.

Моим соседом за чаем оказался председатель колхоза, по-узбекски — раис, Саттар Каюмов, человек лет около сорока, в тюбетейке и высоких сапогах, по виду рядовой колхозник. Мы разговорились. Раис сказал, что план у него выполнен, теперь колхозникам, вырастившим отличный урожай, остается получить ордена, а лучше всего—Золотую Звезду Героя. Такие люди в артели имеются.

— Впрочем,— прибавил он, улыбаясь, после небольшой паузы,— если быть откровенным, есть среди других забот еще одна, личная: поскорей защитить свою диссертацию.

Каюмов, оказывается,— старший научный сотрудник Ташкентского сельскохозяйственного института, там он и будет защищать диссертацию.

Я попросил Каюмова рассказать мне свою биографию. Но он считал, что все так просто в его жизни, что и рассказывать нечего. Отец был амбалом (переносчиком тяжестей) в Ташкенте, в Старом городе. Жизнь была обыкновенная, какая полагается амбалу, то есть нищая.

Когда пришла Октябрьская революция, в Старом городе открылись детские дома, и амбал определил туда своих малышей. В интернате Саттар прошел четыре класса, затем кончил семилетку, поступил в педагогический техникум, потом в сельскохозяйственный институт, который окончил в 1932 году. Далее, его назначили директором станции защиты растений, и он оставался на этом посту до самой войны. Потом он попросился на производство: ему хотелось поддержать какой-нибудь колхоз, который отдал много людей в армию. Так он попал в колхоз имени Сталина, где и был избран председателем. Все.

Было бы, конечно, наивно полагать, что в колхозах Узбекистана председатель с ученой степенью— рядовая фигура. Но Саттар Каюмов — и не одиночка.

В Самаркандской области я был в колхозе имени Кагановича.

— Это семья народов,— сказал мне кто-то из самаркандских товарищей. — Да и председатель незаурядный.

Действительно, в колхозе объединились представители 15 национальностей: узбеки, таджики, туркмены, русские, украинцы, иранцы, татары, тюрки, евреи европейские и бухарские, армяне, грузины, азербайджанцы, курды,

В доме знатной звеньевой Зинат Акрамовой собрались колхозники. Они слушают выступление по радио председателя колхоза Саттара Каюмова.

Фото Г. Зельма

даже арабы — потомки бывших завоевателей Средней Азии.

Колхоз оказался богатым: хлопковые плантации, виноградник на 115 гектаров, сад на 106 гектаров, пасека, овцеферма, молочная ферма, коноферма и т. д.

Годовой доход колхоза — 6,5 миллиона рублей, из них 3,9 миллиона распределены по трудодням среди колхозников. Всех их — 260 семейств. Стало быть, в среднем пришлось по 15 тысяч рублей на семью. Прибавьте к этому 400 граммов пшеницы, 600 — овощей и 800 граммов винограда на трудодень и обычную натуральную оплату за хлопок: чай, сахар, мыло, ткани.

И в этом колхозе есть свой радиоузел, телефонный коммутатор, гидростанция, насосное хозяйство для орошения богарных земель, свой кинотеатр, школа на 500 учащихся, баня, медпункт, родильный дом, ясли, два детских сада. Секретарь парторганизации, винодел и два колхозника имеют высшее образование.

Председатель правления Исмаил Ибрагимов, смуглолицый, высокого роста человек лет сорока пяти, рассказал мне свою биографию.

Он родом из Бухары, где в прошлом декхане жили особенно плохо. В 1932 году Ибрагимов получил в Самарканде высшее экономическое образование и стал преподавать колхозное строительство в агроколхозном институте, который находится на территории колхоза имени Кагановича. Ибрагимову предложили вступить в колхоз и заняться вопросами организации труда. Он согласился, и вскоре его избрали председателем. Потом колхоз разросся, и пришлось выбирать между ним и преподаванием. Ибрагимов остался в колхозе, но науки не оставил и защитил в Самарканде, в сельскохозяйственном институте, диссертацию на звание кандидата сельскохозяйственных наук.

Во время войны в Самарканде находилась Тимирязевская академия, и колхоз установил связь с кафедрой организации производства. Приехал в колхоз директор академии и высказал мысль, что надо обдумать новые формы оплаты труда в артели, которые помогли бы быстрее восстановить сельское хозяйство после войны. Ибрагимов разработал свой метод, который изложил в печатном труде.

Таков еще один председатель колхоза.

Но если Каюмов и Ибрагимов со своими научными званиями — еще не типичные фигуры председателей колхозов, то они, тем не менее, знаменательные фигуры.

...Я хотел узнать, бывают ли еще специфические для прошлого бытовые преступления: продажа невест, насильственная выдача замуж малолетних, калым, принудительное затворничество и т. д., — и решил поговорить с прокурором Сталинского района в Ташкенте. Прокурором оказалась молодая женщина-узбечка Хамида Азизова. Она сказала мне, что через прокурорскую камеру проходят всякие дела, но таких, каких я ищу, давно уж нет.

Азизова — дочь колхозника из Сурхан-Дарьинской области, то есть из бывшего бухарского эмирата. Она родилась в 1925 году. Лишь за пять лет до ее рождения был изгнан эмир. Я спросил Азизову, как относятся ее родные и весь кишлак, особенно старики, к тому, что она, молодая девушка, занимает такой важный пост.

— Конечно, — ответила Азизова, рассмеявшись, — раньше это казалось бы невозможным, а теперь родители, все дяди и даже дедушки и бабушки гордятся: «Вот, мол, в нашей семье вырос человек, знающий законы, которые пишет Сталин».

В Бухаре при эмире русские банки контрактовали у крестьян хлопок на корню. Между банком и хлопкоробом стояли посредники: перекупщики, баи, агенты, чиновники. Крестьянин был неграмотен, он не умел ни прочитать бумажку, ни подписать ее. Но этого никто от него и не требовал: на базаре продавались печатки с любыми именами. Крестьянин покупал печать и скреплял ею свой договор с банком или с посредником. Когда доходило до расчетов, он узнавал, что в бумажке проставлены не те цены и не те количества, о каких он сговорился. С забитого декханина драли за хранение, за страховку, за влажность. Из ста рублей, официально выписанных по счету за хлопок, ему не доставалось и десяти.

Поезжайте по колхозам бывшей Бухары. Сверните, например, в село Тез-Гузар. В свое время, когда здесь создавался колхоз имени Сталина, члены артели могли скрепить протокол общего собрания только чернильным оттиском большого пальца. А сейчас сто крестьян из Тез-Гузара получили высшее образование. Трое из них стали профессорами Самаркандского университета: ректор, профессор математики Муса Муминов, его брат профессор Ибрагим Муминов и профессор Махмуд Маулянбердыев.

Но, конечно, еще важней, что многие другие уроженцы Тез-Гузара, получившие среднее и высшее образование, работают в родном кишлаке. Они директора и преподаватели в школах, агрономы, инженеры на гидростанции, зоотехники, врачи, судьи и т. д.

Таких примеров много.

Неужели же только три десятилетия отделяют нынешний Узбекистан от дореволюционного, с баями, с мирабами, с водяными бунтами, с грабительской властью городских чиновников и сельских старост?

По календарю выходит, что все это было 31 год назад. Но возьмите молодых людей, таких, которые всего этого своими глазами не видели, которые окончили средние учебные заведения и собираются стать инженерами и станут ими. Возьмите хотя бы эту девушку из кишлака, к которой, как к важной особе, приезжает автомобиль с аппаратурой, чтобы записать ее слова, или сына амбала, который готовит диссертацию и скоро получит ученое звание, либо двух дочерей уроженца «священной Бухары», из коих одна кончает медицинский институт, а другая — литературный. Соберите всех этих новых, сегодняшних крестьян Средней Азии и начните рассказывать им про баев, про минбашей, про издольщиков и все такое прочее. Они станут слушать рассеянно, как будто дело было не при русском царе, три с лишним десятка лет назад, а, скажем, в XIV веке, при Тамерлане.

В поезде, шедшем из Самарканда в Бухару, я разговорился на эту тему с одним узбеком и упомянул о Тамерлане.

— Что ж Тамерлан? — сказал узбек. — Не в том дело, что 600 лет назад здесь был Тамерлан, а в том, что 30 лет назад здесь была колония во всем гнусном смысле этого слова. В этом особенность Средней Азии. Здесь социализм и советская власть проверены на совершенно особом и своеобразном материале. А за результатами этой проверки следит добрая половина человечества — Индия, Индо-Китай, Индонезия, Северная Африка, — все народы, которые борются за освобождение от колониальной зависимости. Их держат за глотку, им пуще всего не позволяют смотреть в нашу сторону! Но они отбиваются и смотрят. Они не могут не смотреть: здесь лежит источник их надежды, отсюда они черпают силы, из успехов нашего строительства в Средней Азии.

В Москве друзья подтрунивали над склонностью автора интересоваться такими колхозами, которые расположены в местах, где некогда в старину, точнее, в древности, произошли какие-нибудь достопамятные события, например, битвы Александра Македонского. Экзотика!

В такой колхоз мне попасть не довелось. Но на том месте, где Александра разбили скифы, я был. Это на берегах Сыр-Дарьи. Неподалеку отсюда — город, который, по преданию, заложил Александр. Город сохранился. Сейчас он называется Ленинабадом.

Там, где стоял лагерь Александра, теперь построили мощную Фархадскую ГЭС. Когда рыли деривационный канал, нашли клад: женское ожерелье и самоцветы, золотые серьги и разные другие украшения. Как мне сказали, клад, по предварительному мнению археологов, пролежал в земле свыше 2 тысяч лет.

Меня охватил священный трепет, когда я взял эти вещи в руки. Я не мог сдержать свою фантазию и быстро придумал целую историю про солдата, который в далеком походе похитил эти драгоценности для какой-нибудь красотки, и та ждала его в Аттике или на Пелопоннесе, но не дождалась, и вот они лежат теперь передо мной.

С подробностями это выходило полно экзотики. Но я очень скоро переоценил свое сочинение и решил, что этот сорт экзотики мы, советские писатели, можем за ненадобностью оставить для Клода Фарера. Я увидел другое. Дело не в том, что две тысячи триста лет назад здесь стоял Алек-

Славится своими высокими урожаями хлопка колхоз «Сталинчи», Ленинского района, Андижанской области. В 1948 году он получил более 9 миллионов рублей дохода. На снимке: здание правления колхоза.
Фото С. Безносова (ТАСС)

сандр Македонский. Главное, что со времени Александра здесь не было никого и ничего: тут преддверие Голодной степи. Восточная мудрость издавна предупреждала: «Без нужды не езди в Баку, без крайности не плавай в Узун-Заде, без самой крайней нужды не пускайся в Голодную степь».

И вот в местность, которая была пустыней, пришла советская власть и построила мощную гидростанцию, ставшую необходимостью для возникшей в Средней Азии промышленности. Кроме того гидростанция разрешает вопрос об орошении 700 тысяч гектаров Голодной степи.

Так началась новая жизнь пустыни.

Весь руководящий административный и инженерный состав гидростанции состоит из узбеков. Сыновья колониальных крестьян и дочери рабынь получили возможность учиться, они стали инженерами, агрономами, врачами, судьями, поэтами и артистами.

Так началась новая жизнь народа.

Сейчас, когда пишется это письмо, здесь готовятся к встрече Нового года. Дед Мороз прилетит сюда только управившись с делами в Москве, после того как он там усадит всех за столы и громогласные клики возвестят, что Новый год вступил на свой пост. Три часа спустя Дед прибывает в Среднюю Азию.

Три часа перелета не смущают Деда: все равно ему целую ночь летать,— такая служба. Другое смущает его: в нескольких часах отсюда, по ту сторону наших границ, лежат другие азиатские государства. В иных говорят на тех же языках, что и у нас, или на близких; там живут народы тех же рас, с подобной же историей, с теми же обычаями и традициями.

До недавних сравнительно пор Дед не наблюдал никакой разницы: по обе стороны границы одинаково властвовали нищета и невежество, одинаково была ограничена мысль и одинаково был микроскопичен мир человека. Старику все кажется, что чего-то он не доглядел; он не может сосчитать, как долго шагало время по нашей стороне.

Счетчик показывает 31 год. Сколько перемен произошло за такой короткий срок! Почему не переменилось ничего по ту сторону границы? Старик утратил счет времени. Он не верит часам и украдкой переставляет их на сто лет вперед, едва нога его касается земли советских республик Средней Азии. Потом он окидывает взглядом эти пространства, которые в течение тысячелетий лежали пустынными и в которых ныне шумит жизнь; он смотрит на народы, которые жили вне цивилизации, а сейчас идут во главе передовой культуры мира, и на всякий случай снова переводит стрелку: теперь разница уже получается в два столетия.

— Так оно будет верней! — говорит Дед самому себе и поздравляет окружающих с Новым годом.

Фархадстрой. Водосброс для орошения Голодной степи.

Фото М. Альперта

Встреча в Шеффильде

Микола БАЖАН

(Из цикла «Английские впечатления»)

Не голубыми глыбами металла,
Не содроганьем огненных печей,
Не кранами, гремящими устало
По километрам ржавых галлерей,
Не туш железных ровным поворотом
Там, где гигантский двигается вал,
Не молота стремительным полетом
На опухоль багровомясых скал,
Не молний распростертыми бичами,
Что вьются здесь, цепляясь за фарфор,—
О, нет, вставая вновь перед глазами,
Не этим мой притягиваешь взор
Ты, серый Шеффильд, в сумраке туманов,
В зловонной тине, в угольной пыли!
Я не таких видал еще титанов
В степях донецкой радостной земли.
Нет, не машин запомнил я дыханье
И не британской стали образец,—
Иные о тебе воспоминанья,
Угрюмый Шеффильд, сгорбленный кузнец!

Водил хозяин по своим владеньям
Советских граждан из далеких стран,
Величественно топал по ступеням,
Задерживал, пускал прокатный стан.
Он говорил, что все без исключенья
Принадлежит и служит здесь ему.
Но почему он, полон подозренья,
Следит за теми, кто снует в дыму!

Как мало их! Тех завтракать послали
За пять минут до общего гудка,
Тех клерки в канцелярию загнали,
Тех старший мастер держит у станка.
И все-таки из рыжей мглы плавильной
И в сборочной из-за железных плит
Они выходят, строги и всесильны,
И встреча с ними все же предстоит.

Знакомы лица, руки, очертанья,
Но взгляд не наш. Он сдержан и суров.
Стоят в чужом, в хозяйском дымном зданьи
Рабочие Британских островов.

— Вы, господа, прошли бы в те ворота! —
Спешит хозяин, очень он спешит!
Вдруг чей-то смех, и меткая острота
Ему вдогонку весело летит.
И вновь толпа сомкнулась перед нами,
Минутный шум пронесся и затих.
Старик-кузнец с лазурными глазами
Проходит меж товарищей своих.
Остановившись перед первым рядом,
Он расправляет седоватый ус
И медленно показывает взглядом
На глыбу стали между синих блуз.
Белел портрет на этой гладкой стали,
Которую изготовлял завод.
Так вот зачем толпою люди встали,
В знакомый образ вглядываясь тот!
Снимают кепи, спины разгибают,
Еще тесней смыкаются в кольцо
И долго и торжественно вникают
В задумчивое светлое лицо.
О, как тепло по-человечьи стало,
Когда в минутной этой тишине
Нас самым близким именем встречала
Толпа друзей, родная нам вполне!..
Уходим мы и клятву горделиво
Даем себе — достойным быть того,
Чем служит миру наш народ счастливый,
Чем стал для мира светлый вождь его!..

Не сполохом мартенов разъяренных,
Не тяжким громом блюминговых глыб,
Не клятвами лжецов иноплеменных
Запомнить, Шеффильд, мы тебя могли б.
Толпа людей над глыбою стальною,
Портрет вождя — товарищей привет —
Мы вспоминаем. Так! Не вечно мглою,
Угрюмый Шеффильд, будешь ты одет.

Перевел с украинского
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

Новый год принимает дела

Художник И. М. Семенов в серии дружеских шаржей рассказывает о «передаче дел» Старым—1948—годом Новому году.
Поэт А. И. Безыменский сопровождает рисунки стихами.

— Товарищ Год Сорок Девятый!
Докладывает Год Сорок Восьмой.
Как строгий бригадир, начальник и вожатый
Железной армии, что видишь ты за мной.

Двенадцать месяцев работаю я с нею
И вижу: у нее особая черта.
Ведь, право, с каждым днем мне было все яснее,
Что я во времени не смыслю ни черта!

Как верный сын советского народа,
Иной стахановец — а часто и завод —
То пятилетку даст в четыре года,
То восьмилетку выполнит за год.

Все преданы работе всей душою
Во имя Родины, что счастье им дала.
Уверен я, что с гордостью большою
Из крепких рук моих ты примешь их дела.

ИСПЫТАНИЕ

Борис ЗУБАВИН

Этот шофер был, пожалуй, единственным человеком, который не хотел, чтобы завод начал выпускать вместо «ЗИС-5» какую-то новую машину. Он проездил на старом «зисќе» всю войну и считал, что лучше этой машины ничего не придумаешь. Весь завод ждал—не дождался, когда поставят новую машину на конвейер, а он один был против этого. И надо же было случиться, что ему вместе с инженером Матеровым и механиком Смирновым поручили заниматься испытанием первого собранного в экспериментальных мастерских грузовика.

Грузовик выкатили во двор и оставили на двадцатипятиградусном морозе, а на следующие сутки, когда его мотор промерз, как самый обыкновенный кусок железа, к нему подвели этого шофера и сказали:

— Ну, Трошин, заводи. Как хочешь, а заводи.

— Ладно, — сказал Трошин, — сейчас попробуем.

Он почему-то был уверен, что машина окажется непригодной.

Трошин зажег в банке масло и немного погрел огнем мотор: просто сунул банку под радиатор и сейчас же убрал ее. А потом не спеша, вразвалку, сходил за ручкой, вставил ее в мотор и насмешливо покосился на конструкторов. Потом поплевал на руки, словно собирался дрова колоть, и повернул ручку. Мотор сразу заработал, будто и не стоял целые сутки на таком сильном морозе.

Трошину стало жарко. Он отступил на шаг, сдвинул на затылок шапку и, удивленный, обескураженный, произнес:

— Вот это машина!

Так он познакомился с новым, созданным конструкторами Михайловым, Феста и Цепкиным автомобилем, который собирались поставить на конвейер вместо старого «ЗИС-5». Это была и впрямь замечательная машина. И чем больше Трошин ездил на ней, тем все больше она начинала ему нравиться. На ней были установлены пневматические тормоза. Ее мотор работал на самых простых бензинах и маслах, по автострадам она летела птицей, а наши морозные зимы готова была переносить с невозмутимостью и выносливостью сибирской лошади. Всех этих качеств не было ни у одной заграничной машины. Только еще не знали, как она будет вести себя на проселочной дороге.

На проселке ее испытывали в самую распутицу. Представитель исследовательского института выбрал такое бездорожье, что конструктор Михайлов пришел в ужас.

— В этих условиях машину испытывать нельзя, — сказал он.

Но представитель настаивал. Он говорил, что если машина пройдет по такой дороге,— значит, она действительно хороша. А застрянет, тогда что ж... Значит, лучше старого «ЗИС» для проселка ничего создать не удалось.

Михайлов сдался. Он только потребовал, чтобы для сравнения вместе с испытываемой машиной был пущен «ЗИС-5».

Это сделали.

На старом «ЗИС» ехал шофер Ким. Нарочно выбрали такого богатыря, который, кажется, плечом мог вытолкнуть машину, если она застрянет.

А Трошин волновался, когда прибыл «зисо́к». Трошин успел полюбить новую машину, но старый «зисо́к» все еще был дорог ему. Вспомнить только военные дороги... Ему хотелось, чтобы и новая машина вышла победителем и чтобы старый фронтовой дружок не опозорился.

А дорога для испытаний была до того разбита колесами телег и тракторов, что машины шли по ней с ревом, плюхаясь в лужи, буксуя на глинистых пригорках, ныряя в колдобины, и за сутки успевали иногда пройти не больше семи километров. Но новая машина

шла сама, цепкая, сильная, выкарабкивалась, вылезала отовсюду, а «ЗИС-5» уже несколько раз просил буксир.

На второй день Ким вылез из кабины и сказал, опустившись на траву:

— Больше не могу.

— Давай, давай! — весело закричал ему Трошин.

— Что «давай»?— разозлился Ким.— У меня руки баранку не держат. Тебе хорошо там, на новой. Сел бы на мое место!

Конструктор Михайлов был в это время на заводе. Но ему не работалось. Он только и думал, как идут испытания. Наконец он не вытерпел и поехал туда сам. Он насилу пробился на вездеходе по той дороге, где прошли машины. В одной деревне, в закоулке, Михайлов увидел старый «ЗИС». Ким устало сидел на крыле машины, подперев щеки ладонями. Около него молчаливо толпились деревенские мальчишки, участливо, с состраданием поглядывая на этого вконец измученного крепыша.

Михайлов сразу все понял. На радостях он выскочил из вездехода прямо в грязь и подбежал к Киму.

— Что? А где наши? — тормошил он шофера.

— Уехали, — Ким безнадежно махнул рукой. — Уехали, — повторил он. — Разве за этой машиной угнаться? Она по аду проберется, не то что по такому проселку.

К ним подошел Трошин. Он выехал за деревню и остановился, решив узнать, не нужен ли Киму буксир.

— Нет, — сказал Ким, — бесполезно. «Старику», видно, пришло время сдаваться.

— Да, когда-то был хорош старик-«зисо́к»,— сказал, вздохнув, Трошин,— но эта...— он многозначительно подмигнул Михайлову.

...Так испытывали грузовик «ЗИС-150», который в 1948 году начал выпускать Автозавод имени Сталина. И выпуск этой машины был одним из замечательных событий в жизни столицы.

Москва.

— Теперь взгляни на карты эти,
И ты поймешь без лишних слов,
Как запланирован на свете
Грядущий день у двух миров.

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Ф. КРАВЧЕНКО

Директор совхоза совсем не походил на деда Мороза. Ему нет и сорока лет, лицо его тщательно выбрито, на груди полоска орденских ленточек. Но он подошел к елке и, как дед Мороз, начал рассказывать детям сказку. Правда, в его сказке не было ни жар-птицы, ни волшебника, ни ковра-самолета... Он говорил о будничных, повседневных делах, и все же эта быль походила на сказку.

— Когда мы приехали в Калининград, мы увидели: земля неплохая, она только одичала за время прусского хозяйничанья. Ведь обрабатывали ее руки, на которых не засыхала человеческая кровь.

Никто не заставлял меня ехать сюда; сам я решил испробовать свои силы на трудном деле. Назначили меня директором совхоза, которого еще не существовало. Мало нас, русских людей, было тогда здесь.

Меня спросили, сколько семей переселенцев готовы принять мы в совхоз. Что я мог ответить? Многие дома были совсем разрушены, те, что уцелели, не имели окон и дверей. В соседнем совхозе считали: сто семей не смогут обеспечить жильем, прокормить. А я двести семей пригласил.

— Где же они будут жить? — спрашивали меня товарищи.

Позвал я к себе рабочих. Спрашиваю одного:

— Кто вы по специальности?

— Электрик.

— А вы? — спрашиваю другого.

— Электросварщик.

— А вы?

— Слесарь.

— Вот что, дорогие,— сказал я.— Нет у нас пока электростанции, нет и мастерской. В будущем году будете работать по специальности. А пока надо плотничать, окна стеклить, печи чинить. Сможете?

Русские люди ко всякой работе привычны. Рабочие и говорят:

— Попробуем.

И начали электрики печи ремонтировать, слесари — плотничать. Привели в порядок дома. Приехали переселенцы, разместились в них.

— Здесь будет хорошо,— сказал я им. Поверили мне тогда ваши отцы, ребята. И вот мы с вами празднуем елку в нашем совхозе — далеко от Москвы, Курска, Вологды. Не скучно нам сегодня, правда?

— Нам весело,— сказал курносый мальчик.— Только елка у нас не настоящая.

— Почему не настоящая? — заступился сосед курносого мальчика.— И электрические лампочки горят, и игрушки висят, и подарки нам дали. Вы его не слушайте. Он жадный, ему всего мало.

— Я, дети, тоже жадный,— сказал тут, улыбнувшись, директор.— И наш председатель рабочкома, товарищ Козлов, тоже жадный. Однажды он из-за своей жадности двенадцать километров шел пешком. «Жалко было пять рублей дать шоферу попутной машины?» — скажете вы. Нет, товарищ Козлов последние свои деньги уплатил за книгу «Белая береза», которую он купил для библиотеки. Вот какая жадность подвела его. Много книг уже есть в нашей совхозной библиотеке, а все же Козлову захотелось еще одну приобрести.

Дети одобрительным гулом ответили на слова директора. Так вот о какой жадности он говорит! Да, конечно, он тоже жаден. Ведь ему захотелось, чтобы в совхоз вместо ста семей двести переселились. Теперь он подумывает о том, чтобы еще сотня переселенцев сюда приехала.

Мало директору того, что есть центральный клуб. Он вместе с Козловым открыл клубы в трех отделениях совхоза. Ребята хорошо знают, что в совхозе есть разные мастерские: механическая, портняжная, сапожная, бондарная и столярная; есть электричество, есть медицинский пункт, чайная, детские ясли, гостиница, почта, радиоузел, парикмахерская, баня, но жадному директору все мало.

— Мы освоили три тысячи гектаров пахотной земли, ребята,— продолжал директор.— У нас теперь шестьсот голов племенного скота, восемьсот свиней, своя птицеферма. У нас не было пасеки. Я пригласил бывшего танкиста, пчеловода Васюкова,— он тоже оказался очень жадным. По хуторам ходил, на плечах ульи носил, диких пчел ловил. Осенью у нас сто пчелосемей уже было. В будущем году Васюков по новому способу по пять роев с каждого улья получит. Но главная наша задача, ребята, в том, чтобы снимать получше урожаи. Вы заметили: вашим родителям уже некогда скучать по прежним местам. А вы, наверно, тоже забыли о них?

— Нет, не забыли,— сказала девочка с большими серыми глазами.— И никогда не забудем. Там мы все вместе жили, а здесь по хуторам разбросаны.

— И здесь вы будете вместе жить,— сказал директор, взглянув на висевший против елки портрет.— Товарищ Сталин знает душу советского народа. Он сказал, чтобы мы здесь новые поселки построили. Во всей Калининградской области исчезнут хутора. Наступит время, когда и слово «переселенцы» будет забыто. Здесь будут русские города и поселки, такие, какими мы их сами сделаем. И к нам будут ездить наши соседи — трудовой народ демократических стран,— чтобы поучиться, как развивать социалистическое хозяйство. Вот почему у нас должно быть все самое лучшее...

Директор совхоза замолчал и с любовью посмотрел на своих слушателей. Им было хорошо под красными и золотыми звездами новогодней елки. Многие из них станут в будущем его помощниками; другие поедут туда, куда их пошлет Родина.

— А все-таки елка у нас не русская,—вдруг сказал курносый мальчик.— Игрушки наши и лампочки наши... И радио наше, советское играет... А елка в Пруссии выросла.

— Неверно это,— возразил директор.— Изучайте историю и вы узнаете, что не было здесь прусской земли, а были только пруссаки. Это наша, исконная, славянская земля. Тевтонские рыцари захватили ее. Но пробил их час. Земля наша очистилась. Бурьян мы уничтожим, а наши деревья будут расти. И эта елка произошла от тех елей, которыми любовались наши предки. Это русская елка, ребята!..

Ярко горели огни на елке. По радио из Москвы передавали звон кремлевских курантов.

Совхоз № 9.
Калининградской области.

Эшелон идет в Москву

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Платформы погружены.
Скоро
доверчиво глянет сквозь сон
зеленый глазок семафора —
и тронется в путь эшелон.
Казалось бы, что тут такого:
пойдет за вагоном вагон.
Какое особое слово
послать эшелону вдогон!
Пары паровоз раздувает.
Шахтерская песня звенит,
в Москву эшелон провожает...
Да чем же он так знаменит!
Чтоб глубже понять его славу,
пойдем-ка, читатель, в забой,
опустимся в новую лаву,
на новый участок любой,
в минуту отпала услышим
ликующих взрывов черед,
тяжелой пыльцою подышим,
увидим лоснящийся свод,
в холодную тьму погрузимся,
повымокнем в черной воде,
почувствуем бой,
поразимся
людскому терпенью в труде,
увидим своими глазами,
как дружный шахтерский народ
умеет владеть чудесами,
какие он кручи берет,
какая железная схватка
идет на путях сквозняков,
какая лихая повадка
к победе ведет горняков,
подержим на теплой ладони
породы раздробленный кус,
чуть-чуть рыжеватый, студеный
и чуть кисловатый на вкус.
Подержим его, покачаем,
на вес и на цвет уясним
и скажем: «Теперь-то мы знаем,
что слава овеянча с ним,
что он с ней и сближен, и сдружен,
и связан в один узелок,
что добыт вчера и отгружен
сверх плана дневной уголек!»
Так вот почему, вероятно,
ночной эшелон знаменит,
так вот почему незакатно
шахтерская песня звенит.
Пары паровоз раздувает,
стальными копытами бьет!
В Москву эшелон провожает
упрямый шахтерский народ.

ОДНА ИЗ ДЕТАЛЕЙ

Савва КОЖЕВНИКОВ

Токарь Захаров читает лекцию. Дело происходит в Доме науки и техники. В небольшом угловом зале сидят лучшие рабочие-металлисты новосибирских заводов. В числе их Василий Безухих, тоже токарь, глубокий знаток своего дела, старожил города.

Около трибуны развешаны диаграммы, чертежи. Захаров, плотный, невысокого роста человек, подходит то к одному чертежу, то к другому.

На коленке Василия Безухих лежит тетрадь в черном коленкоровом переплете. Но токарь, углубившись в какие-то свои мысли, ничего в нее не записывает. Лектор говорит о необходимости расчленять любую операцию на составляющие ее элементы, а потом неожиданно произносит такие слова, что Безухих хватается за карандаш и начинает быстро заносить их в тетрадь крупным старческим почерком.

— Токарь, который знает не только создаваемую им деталь, но и дальнейшую судьбу детали, ее место и значение в механизме, ее крепость,— всегда хороший токарь.

Во время перерыва Безухих подходит к окну, смотрит на улицу. Там стоит ночь. Фосфорический свет луны выделил на фоне темных зданий огромный чешуйчатый купол Оперного театра, квадрат вокзала. А там, на левобережье, сквозь тонкую изморозь виднеются трубы, уходящие к самому небу, трубы завода, на котором работают токари Захаров и Безухих,— «Тяжстанкогидропресс».

...В 1942 году советское правительство приняло постановление о создании в Сибири завода тяжелых станков и крупных гидропрессов.

Случилось так, что в Новосибирске находился тогда важный представитель союзников. Ему показали площадку, рассказали, какой завод здесь возникнет. Он недоуменно развел руками:

— Зачем вам строить этот завод, расходовать нужные для войны средства? Тяжелые станки вам может поставлять Америка. Вот, например, фирма «Гиддинс»...

Но завод, конечно, строился.

1948 год... Он подходит к концу. Славный год. В этом году завод достиг такой зрелости, что ему стало под силу решать самые сложные задачи. Он стал производить одни лишь тяжелые станки и крупные гидропрессы. На их корпусах сверкают выпуклые буквы «НЗТСГ»— заводская марка. В канун Нового года на заводе идет сборка первого уникального расточного станка. Он будет более мощным, чем американские станки такого же типа, выпускаемые фирмой «Гиддинс».

Без тяжелых станков и гидропрессов не может жить страна. Они нужны для обработки многотонных деталей турбогенераторов, шахтных подъемников, корабельных механизмов, маховых колес и разного другого оборудования. Лишите страну этих станков — и индустриальный рост ее будет затруднен. И вот сейчас, когда американцы чинят нам препятствия в покупке тех или иных станков, нас это не волнует.

«Во-время, очень во-время,— думает Безухих,— подоспел наш завод».

...Перерыв кончился. Захаров продолжает свою лекцию. Безухих открывает тетрадь, перечитывает свою запись.

«Тяжстанкогидропресс» — первоклассный и самый мощный у нас в своем роде завод. Но в общем механизме страны он только одна из деталей. Каким надо обладать даром предвидения, глубиной государственного ума, чтобы в разгар самых жестоких вооруженных битв за Родину предугадать место, которое может занять такая «деталь» в мировой политике после войны.

Захаров кончает свою лекцию. Под шумные аплодисменты токарей он взволнованно говорит о мудрости Сталина и повторяет свой тезис:

— Токарь, который знает не только создаваемую им деталь, но и дальнейшую судьбу детали, ее место и значение в механизме, ее крепость,— всегда хороший токарь.

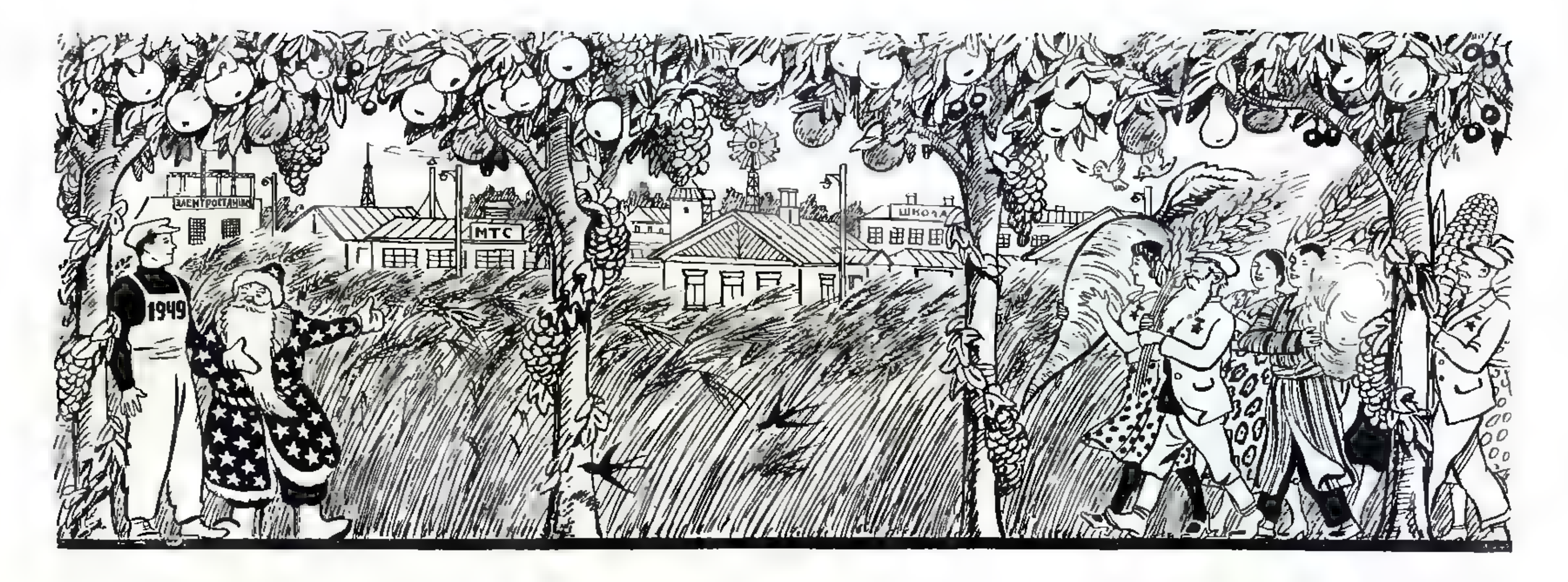
Новосибирск.

— Чтоб всех нас к цели вывести
Быстрей смогла страна,
Копилка бережливости
У нас заведена.

Сверхплановые сотни мы
В копилочку внесли.
Мильярдами несчетными
Окажутся рубли.

Сомкнув свои усилия,
Растя свою казну,
Мы счастьем изобилия
Наполним всю страну...

— Погляди! Это — золото наше!
Разве сыщешь картину светлей?
Золотые одежды у пашен,
Золотая душа у людей!

Вот плоды и труда и науки!
Вот кем Родина наша горда!
У кого золотые руки,—
У того Золотая звезда!

УРОЖАЙ

Н. РЫЛЕНКОВ

Весной сорок третьего года, вернувшись из поездки по освобожденным районам Смоленщины, я в коридоре одной из московских гостиниц неожиданно столкнулся с пожилым офицером интендантской службы, лицо которого мне показалось очень знакомым. Окликнуть его я не решился, так как не мог сразу вспомнить, где мы с ним встречались. Но в том, что мы встречались, и даже не раз, у меня никаких сомнений не было. Пройдя несколько шагов, я остановился и оглянулся. Он тоже смотрел в мою сторону. Взгляды наши встретились.

— Павел Фролович?—неуверенно спросил я.

— Так точно,— ответил он по-военному и виновато улыбнулся в седые, аккуратно подстриженные усы, как будто прося извинения за то, что не окликнул меня первый.

Да, это был Павел Фролович Алфименков, мой старый знакомый, агроном — энтузиаст, хорошо известный всем льноводам Смоленщины. Через несколько минут мы уже сидели с ним в столовой и наперебой забрасывали друг друга вопросами. Я должен был подробно рассказать ему все, что знал о восстановлении колхозов на освобожденной земле.

— Моя семья обосновалась под Москвой, около Кунцева,— сказал Алфименков на прощанье,— но меня тянет на Смоленщину. Какие мы там льны выращивали, какие льны!.. Вот только окончится война,— обязательно вернусь туда.

Затем я не виделся с ним четыре с лишним года. От общих наших знакомых я слышал, что после окончания войны он вышел по болезни на пенсию и живет с семьей под Москвой. И вдруг поздней осенью сорок седьмого года Павел Фролович появился в Смоленске.

— Ну, вот. Я, как видите, сдержал свое слово. С запозданием, но сдержал,— говорил он мне, вспоминая наш московский разговор.

— И надолго к нам? — поинтересовался я.

— Вероятно, надолго, а может быть, и навсегда. Я предложил областному льноводческому институту послать меня в один из районов для проведения массового опыта по выращиванию высоких урожаев льна. Я берусь в течение одного года во всех колхозах сельсовета повысить урожай в четыре — пять раз. Сейчас там получают льноволокна полтора — два центнера с гектара, я гарантирую восемь — десять. Причем не потребуется никаких особых затрат. Все зависит от организации труда и соблюдения правил агротехники.

— И как же отнеслись к вашему предложению?

— В институте — очень одобрительно, а в областном земельном управлении — с некоторым сомнением. Говорят, что это возможно, только не в таких масштабах и не в такой разоренной области, как Смоленская. Придется идти к председателю облисполкома.

Назавтра я узнал, что все уладилось и Алфименков отправляется в Мурыгинский сельсовет, Починковского района.

Зимой я встречался с ним несколько раз. Время от времени он приезжал то в льноводческий институт, то в областное земельное управление. Приезжал на день, на два, торопясь поскорей возвратиться в колхозы, где он организовал учебу льноводческих звеньев.

— Главное — убедить колхозников, что все зависит от них самих,— говорил он,— и тонна волокна с гектара обеспечена.

Высокий, сухощавый, со строгим, сосредоточенным лицом и веселыми, ласковыми глазами, он, когда начинал объяснять свои простые расчеты, становился похожим на старого, терпеливого учителя.

— Урожай в конечном счете определяется количеством стеблей, выращенных на единице площади. Три с половиной тысячи стеблей на квадратном метре — вот чего мы должны добиться, а это не так уж сложно. Нужно только выровнять почву, сохранить влагу, особенно в верхнем горизонте, куда заделываются семена, и как следует провести посев. Само собой разумеется, что семена должны быть соответствующие... С этого мы и начнем.

Перед весной он уже совсем не появлялся в городе, а лишь изредка позванивал по телефону. Весной же и звонить перестал. Выбрался только после того, как дождался во всех колхозах всходов и проверил их.

Загорелый, обветренный и слегка похудевший, он был очень оживлен, как будто помолодел за весну на несколько лет. Стараясь быть как можно сдержаннее, он все-таки никак не мог скрыть своего удовлетворения первыми результатами работы. Семена дали девяносто процентов всхожести, и колхозы, не меняя нормы высева, почти в два раза увеличили густоту всходов. На квадратном метре взошло не меньше трех с половиной тысяч ростков.

Но это было только начало борьбы за высокий урожай. Предстояло еще не мало хлопот с прополкой и подкормкой льна. Особенно много забот доставляла прополка. При нерадивом, невнимательном отношении к делу полольщицы вместе с сорняками могли выполоть немало стеблей и одним этим значительно снизить урожай. Но тут уж у Павла Фроловича появились верные помощницы во всех колхозах. Это были звеньевые Е. Д. Конохова, М. П. Горбачева, К. К. Шатова и Е. О. Атрощенкова — лучшие ученицы Павла Фроловича и такие же энтузиастки, как и он сам.

Вместе с Алфименковым они следили не то что за каждым гектаром, а за каждым стебельком льна. Вместе с ним приехали они в Смоленск, на заседание Ученого совета льноводческого института, чтобы рассказать о своей работе, о том, что колхозы целого сельсовета получили в 1948 году не меньше шести — семи центнеров волокна с каждого гектара, а многие — до десяти центнеров.

Это было первое за все время существования института заседание Ученого совета, на котором выступали рядовые колхозницы, а обсуждали их выступления профессора.

Смоленск.

В УЩЕЛЬЕ ТАКОБА

Павел **ЛУКНИЦКИЙ**

Семьдесят два года прожил Бобо-Назар высоко в горах, в кишлаке Дехисор, и думал, что уже никогда не придется ему спускаться в долины, преодолевать перевалы, видеть те места, по которым немало хаживал в молодости, в эмирские времена, когда голод подхлестывал всех искателей заработка.

Теперь, при советской власти, старый Бобо-Назар вместе с женой Мухабат сеял рожь и ячмень на небольших полях, отвоеванных колхозом у зыбких осыпей и нависших скал. Все уважали старика, и сам он был всем на свете доволен. Только одна глубоко в сердце таимая обида порой омрачала его настроение; никто, кроме Мухабат, не знал об этой обиде, да и сам Бобо-Назар как будто уже примирился с нею. В самом деле, можно ли сердиться на сына за то, что тот, трудясь в далеком ущелье, не придет на месяц — другой к очагу отца — побыть с ним, поделиться всем, что пришлось увидеть и узнать в жизни?.. Ведь Раджаб трудится именно там, где когда-то, в стародавние времена, зарабатывал себе кусок лепешки да шарик козьего сыра и сам Бобо-Назар.

То было в ущелье реки Такоб, глухом, тесном, подпирающем страшные ледники, куда нет пути человеку. Даже летом, в июле, это ущелье порою заметал снег, падавший из тяжелых туч, наползавших от ледников.

Разве может забыть Бобо-Назар, как, вися над пропастью, врубался он кетменем в склон скалистой горы, чтобы вырубить в нем пещеру? Только цепляясь за ветви и за выступающие из расщелин корни дикого орешника, можно было подобраться к этой пещере. И, выломав в глубине пещеры глыбу зеленовато-голубого камня, спускать ее вниз по склону, затем, натаскав колючек, обложить глыбу со всех сторон, разжечь костер и, когда глыба раскалится, лить на нее ледяную воду, принесенную на спине в козьей шкуре... И если в глыбе получится трещина, то вбивать в нее каменные клинья, пока не расколется глыба, чтоб можно было ее дробить в порошок, которым дехкане платили подать эмиру...

То было давно. Теперь в том же ущелье работает сын Бобо-Назара Раджаб, и, наверно, его труд не легче. Правда, от Раджаба раз, а то и два раза в год приходят письма — их старику читает вслух сам председатель колхоза. Пишет Раджаб, что доволен своей работой, что живется ему хорошо и весело... «Конечно, жалеет меня, старика, но кого хочет он обмануть: как может быть там хорошо! Какое может быть в той работе веселье?»

С такими мыслями и умер бы Бобо-Назар, если б не случилось несчастье: в ноябре 1948 года от старости скончалась его жена. Похоронили Мухабат всем колхозом. Утешали старика, обещали помочь во всем, в чем только есть нужда. Но старик все-таки почувствовал такое одиночество, что выдержать его не мог. И решил, что отправится в трудный путь, в ущелье Такоба, и придет к сыну и скажет ему: «Вернись в родной кишлак Дехисор, поживи со мной, пока я не умру; это твой сыновний долг, уважь меня, старика».

Взвалил котомку на плечи, взял суковатую палку и пошел. Трудный предстоял старику путь. Впереди вились опасные тропинки и виднелся перевал Анзоб... Старик надеялся если не на свои силы, то на свой опыт и решил, что будет двигаться не спеша, пусть хоть

Но на второй же день пути удивление обуяло Бобо-Назара: вместо тропинки, по которой он шел последний раз лет восемь назад, он увидел дорогу — широкую, как поле, расчищенное для посева. Автомобиль—машина, о которой он много слышал, но которой видеть ему еще не приводилось,— остановился, нагнав его, и девушки-колхозницы замахали руками: «Садись, старик!» — и помогли ему вскарабкаться в кузов грузовика. И, не успев опомниться, вместо двух суток пути, через два часа оказался он в Захметабаде, где прежде нужно было переправляться через Зеравшан на бараньих надутых шкурах, а теперь автомобиль с пятнадцатью пассажирами вкатился на большой паром.

На другом берегу водитель поговорил с шоферами стоявших там машин, и старика под руки подвели к одной из них, усадили в кабину и сказали: «Довезут тебя до самого Такоба... На праздник едешь, старик?»

«На какой праздник?» — удивился Бобо-Назар, и вокруг засмеялись: «Ну, ну, будто не знаешь! Не прикидывайся... Кто у тебя там — сын или дочь?» «Сын!» — ответил Бобо-Назар и удивился, откуда могли это узнать люди.

И, продолжая удивляться по многим другим поводам, ровно через сутки Бобо-Назар проехал в машине по новому мосту в том месте, где река Такоб сливает свои рыжие воды с белесыми струями Варзоба.

И действительно, чем выше по ущелью поднималась машина, чем теснее становились стены ущелья, тем все больше появлялось разных домов — многооконных, порою очень высоких, непонятного назначения, окруженных какими-то механизмами, трубами. И удивление Бобо-Назара переходило в восхищение. А когда автомобиль въехал наконец в красивый, заполнивший все ущелье, расцвеченный красными флагами город, старику показалось, что он грезит, что всего этого наяву и быть не может.

Бобо-Назар забыл, что нужно покинуть машину, и сидел в ней до тех пор, пока вдруг в толпе празднично одетых людей не увидел своего почти неузнаваемого сына Раджаба. Раджаб был, как большой начальник, в пиджаке, в рубахе с белым воротничком и галстуком...

Все прочее рассказать очень трудно. Раджаб поместил своего отца в двухэтажном каменном здании гостиницы, снял для него отдельный номер. Бобо-Назар никогда не спал в такой красивой комнате, в такой невообразимо мягкой постели. Потом он обедал в столовой, ел блюда, каких не приходилось ему есть никогда в родном кишлаке Дехисор.

Потом бурильщик-стахановец Раджаб Назаров водил своего отца по всему только что построенному комбинату: показывал гидромониторы и гидростанцию, рудоспуски и освещенные рядами электрических фонарей штольни, знакомил со своими друзьями — крепильщиками, забойщиками, откатчиками.

Бобо-Назар, ошеломленный всем, не понял и десятой доли того, что с радостным волнением рассказывал ему Раджаб, но старику было весело и легко,— никогда в жизни не испытывал он такого восторга в своей душе...

Сталинабад.

— Ты видишь, как культурен
И этот уголок?
До Арктики Мичурин
Достать рукою смог!

Тут сказочного много?
Ну, это не беда!
Все явью сделать могут
Советские года!..

Рисунок В. Высоцкого

ГОРЫ ПОЮТ

Рассказ

Олесь ГОНЧАР

1

Кончилась война, отгремели победные салюты. Дивизия раскинулась лагерем в горах, в просторной альпийской долине, окруженной скалами и лесами. Радостно затрубили в небо полковые трубачи. Раскатисто зазвучало в межгорьях энергичное ржанье расседланных коней. Жизнь обретала мирный тембр.

Полки дивизии расположились рядом, вытянувшись на целые километры по краю котловины. На дне оврага выстроились длинной шеренгой многочисленные повозки и пушки. Их колеса скрывались в буйной траве.

Старшины разошлись по окрестным горным селениям. Возвращались, нагруженные различным инструментом, взятым под расписки.

По всей долине развертывалось бурное строительство. Возникали кузницы и мастерские. Весело застучали молотки. Запели горячие пилы, вгрызаясь в душистое дерево.

Командиры под шнур размечали площадки для будущих палаток. Было приказано строить легкие, временные палатки шалашного типа. Но гвардейские архитекторы в порыве вдохновения вместо шалашей возводили настоящие дома, в которых можно было зимовать. Хотелось сделать все как следует, капитально, хоть на день, но по-настоящему. Это была не простая работа, это был какой-то праздник созидания, всесильное виртуозное творчество изголодавшихся по труду рук. Не лагерь, а стройный белый город рождался в долине на глазах удивленных крестьян.

Крытые тесом, выбеленные известью, аккуратные поселки подразделений вырастали на зеленом плато не по дням, а по часам. Каждый стремился проявить полностью свои довоенные таланты.

Оказалось, что всё умеют делать эти мудрые солдатские руки! Уже загорелые косари в погонах идут по будущему учебному плацу, ритмично поблескивая косами, с выражением хмельного счастья в глазах. Уже офицер стал электриком, сержант превратился в столяра, а снайпер — в художника-декоратора. Уже тянут провод в палатки, уже роют криницы по всему лагерю, уже, размахиваясь по-шахтерски, крошат камень и утрамбовывают им линейки.

Несколько дней окружающие села ложились и вставали под звуки трудовой симфонии, неустанно гремевшей в горах.

Наконец строительство закончилось. Старшины, идеально наточив инструменты, отнесли их хозяевам.

Над лагерем взвился государственный флаг Советского Союза.

Начались занятия по строгому расписанию. По сигналу — на плац! По сигналу — с плаца! С песнями туда, с песнями обратно. Сведенные в лагерь полки и разбросанные за лагерем горные села привыкали жить по сигналу трубачей.

2

— Сегодня после вечерней поверки мы вместе с другими подразделениями будем исполнять наш Государственный гимн, — торжественно говорил старшина третьей стрелковой, прохаживаясь перед строем роты в начищенных, словно лакированных, сапогах. — До сих пор мы пели по-ротно, а теперь грянем всеми полками сразу. На правом фланге станет оркестр, он будет для нас дирижером. Так вот наша с вами задача — завоевать по пению первенство, отличиться своими голосами.

Старшина передохнул, вытер вспотевший лоб.

— Не забудьте, что слева у нас будет пулеметная; там народ тоже горластый и давно спевшийся. У нас лучшие показатели по тактике, а если тут осрамимся, то... — Старшина горько махнул рукой, не закончив тирады; это означало, что подобного он даже предполагать не хочет.

— О голосе, как и об оружии, надо заботиться, — поучал он дальше, грозно раздувая свои полные, выбритые до блеска щеки. — А у нас еще есть, к сожалению, такие люди, которых это мало беспокоит. Я говорю о вас, рядовой Перейма и ефрейтор Снежков. Вы думаете, я не заметил, куда вы шмыгнули после обеда? Опять к ручью бегали! Холодной родниковой захотелось? Весь лагерь из бачков пьет, а они, видите ли, не могут! В бачках вода для них неподходящая, в бачках теплая, в бачки медики дезинфекцию набросали, аптекой, видите ли, отдает... С тем не считаются, что дезинфекцию в бачки напускают для нашего с вами здоровья, против всяких хвороб... Знать этого не хотят, идут в горы, пьют из ручьев, а потом простужаются, хрипнут... Ты уже, наверно, хрипишь, Снежков? Ну-ка, подай голос.

— Нет, не хриплю, — прозвучал звонкий ответ.

— А ты, Перейма?

— И я не хриплю, — прозвучало еще звонче.

Эти ответы как будто успокоили старшину. Но его всевидящее око уже впивалось в глубину шеренг, кого-то настойчиво искало и наконец нашло в самом дальнем ряду:

— Светличный!

— Я!

Маленький, круглолицый, симпатично курносый боец от собственного «я!» покраснел до ушей.

— И ты тоже... От тебя, Светличный, я этого никак не ожидал! Снайпер, комсомолец, голос лемешевский — и вот тебе, пожалуйста... тоже махнул в горы!

— Я не пить.

— Он бегал за цветами для нашей палатки, — вступились за Светличного товарищи.

— Если так, тогда другое дело, — сразу подобрел старшина. — Я на твой голос, Светличный, возлагаю большие надежды. Хотя, согласно ранжиру, тебе всегда приходится стоять сзади, среди самых низкорослых, на этот раз я ранжир ломаю. Ставлю тебя посредине роты, в самом центре. Потому что есть у нас еще такие певуны, как, скажем, Загоруйко; для него ноты — не закон, дисциплина голоса совсем расшатана... Ни к кому не прислушивается, никого не признает, как только начал, так и пошел и пошел себе напрямик... Всех заглушает. Поэтому я решил так: поставлю Загоруйко рядом с тобой, Светлич-

ный. Он будет равняться на твой голос. Слышишь, Загоруйко? Чтоб не забегал вперед и не отставал, чтоб не блуждал где-то вокруг до около... Прислушивайся к Светличному. Он будет, так сказать, корректировать твой песенный огонь.

3

Виктору Светличному очень хотелось, чтобы его рота пела лучше всех. И поэтому, очутившись вечером по воле старшины в самом центре подразделения, он не шутя пригрозил стоявшему рядом Загоруйко:

— Смотри мне, друг... Только зафальшивишь — ноги начисто оттопчу!

Загоруйко — ростом выше Светличного на целую голову — добродушно улыбался и обещал своему маленькому наставнику честно «тянуть за всеми».

Где-то в темноте уверенно откашливалась пулеметная, заранее набираясь духу. Светличный воспринимал это откашливанье, как личный вызов, как лукавую товарищескую угрозу, и ему сейчас особенно хотелось перещеголять, перепеть пулеметную во что бы то ни стало.

Подразделения стояли, выстроившись перед лагерем в линию взводных колонн. Поверка уже закончилась, старшины один за другим бегали с рапортами к дежурным. Было слышно, что и в других полках звучат рапорты, то громкие, четкие — поблизости, то едва слышные — на далеких, крайних флангах.

Перед колоннами тяжело высились темные горы, достигая вершинами звезд. Раскаленные за день скалы еще дышали на бойцов нежным, ласковым теплом, а снизу от росистых трав уже струилась терпкая, свежая прохлада.

И вот наконец рапорты затихли, подразделения насторожились, как перед взлетом, и оркестр заиграл Государственный гимн. Долина подхватила его сразу тысячами голосов, запела от края до края. Мелодия, быстро разрастаясь и набирая силу, со сказочной стремительностью разворачивалась в могучее гармоничное море.

Некоторое время Светличный еще помнил приказ старшины, еще прислушивался к Загоруйко, еще ревниво сравнивал голоса своих с голосами соседей-пулеметчиков. Но это длилось недолго. Продолжая петь, распаляясь внутренним огнем песни, он постепенно терял контроль над собой и другими, песня все больше втягивала его в себя, и он сам становился как бы ее частицей.

Каждой своей клеточкой чувствовал, как растет, поднимается кудато, насквозь пронизанный током необычайной энергии, завороженный мощной красотой пения. Казалось, он уже не поет, а песня льется сама, выражая его мысли и чувства о самом себе, о своих близких, о том далеком и самом дорогом в жизни, что зовется Родиной. Песня была способна вместить в себя все. Ритмы могучего похода, суровое величие борьбы, счастье победы, властные фанфары солнечного будущего — все зазвучало в ней. Все, чем он жил, проявилось, зазвенело, превратилось в мажорную музыку. Он пел себя, свою молодую жизнь, расцветшую в окопах и маршах. Ведь это она, его жизнь, уже воплотилась в музыку, приобрела силу песни, превратилась в гимн!..

Он знал, что сейчас, во время поверки, его песня звучит не только здесь, в этом высоком горном лагере. Она сейчас всюду, везде... На севере и на юге, во всех странах, где ныне стоят лагерями советские полки, гремят в этот вечерний час величественные хоры победителей. Словно сторожевые посты Отчизны, перекликаются они между собой через горы и через долы, сверяют свои сердца по сигналу гордой музыки, по паролю державной песни. Светличный уже ясно слышал эти далекие братские хоры, гремящие из-за горизонта золотыми громами. Он пел для них и вместе с ними, чувствуя себя запевалой всего мира.

В самом деле, разве он был сейчас тем маленьким снайпером, который до сих пор не привык еще бросать окурки в лагерные урны? Старшина, наверно, не узнал бы его в этот момент.

Светличный не помнил сейчас ни о Загоруйко, ни о сопернице-пулеметной, ибо они уже не существовали, исчезли, как шум отдельных деревьев исчезает в шуме большого леса. Среди скал бушевало единое горячее половодье музыки, забираясь в самые глубокие ущелья, перекатываясь по гулким долинам, утверждая себя повсюду.

А когда все улеглось и старшины уже разводили подразделения по палаткам, Светличному вдруг показалось, что окружающие горы продолжают петь.

— Молодцы! Пели прекрасно,— говорил старшина, обходя перед сном палатки.

— А как я сегодня? — обратился к нему Загоруйко, толкая Светличного в бок: они лежали рядом на общих нарах.

— Ты, Загоруйко... О тебе пусть Светличный скажет.

— Что тут говорить!— засмеялся Светличный.— По-моему, очень хорошо. Собственно, я... не слыхал. Ни его не слыхал, ни себя.

— Кого же вы слышали в таком случае?

— Кого?.. Всех!

Против ожидания эта откровенность ничуть не удивила старшину.

— Вы поверите,— вдруг признался и он бойцам,— со мной тоже что-то творилось... Как вступил в песню, как взяло меня за душу... Про все забыл. В чистом виде... Ну, спите, ребятки.

Светличный долго не мог уснуть. В ушах еще звенели могучие ритмы, нервная дрожь пронизывала его возбужденное тело. Видел через открытую дверь, как темные горы постепенно окутываются низовыми белыми туманами.

Прислушивался.

Опять казалось, что горы чуть слышно поют.

Эхо или действительно так?

4

В последующие вечера он убедился, что действительно так.

Как после выяснилось, торжественная песня полков была слышна далеко за границами лагеря. Все окружающие горные селения, низовые и вершинные, уже хорошо знали время поверки, время большого пения. В этот час местные жители целыми семьями выходили на свои веранды. Выключали радио, останавливали патефоны. Стояли, прислушиваясь к межгорьям, словно к грандиозным репродукторам, ожидая первых звуков военного оркестра.

И когда полки начинали исполнять гимн, когда высокое поющее плато словно выплывало на волнах мелодии из бархатной синевы горного вечера, многочисленные разбросанные в горах слушатели постепенно и сами становились певцами. Девушки каким-то образом раздобыли в лагере ноты и размножали их от руки.

С каждым вечером все больше и больше молодых голосов, мужских и женских, вплеталось в единую симфонию. Вначале не совсем гладно, на первых порах вполголоса, а потом все увереннее, все громче.

И даже после того, как дивизия снялась и ушла в другие края, навсегда оставив свой аккуратный альпийский лагерь с его палатками и клумбами, с криницами и дорожками,— даже после этого ничего здесь не исчезло, ничто не забылось.

В привычный час вечерней поверки горы начинали петь.

Перевел с украинского Лев ШАПИРО

С Новым годом!

Михаил ГОЛОДНЫЙ

Над полями
Лунный серп туманный,
Лес, как воин,
Встал перед походом;
В бледном свете
Снежные поляны
Ожидают встречи
С Новым годом.

Ждут, притихнув,
Мирные дороги,
Города,
Далекие селенья;
Днепр широкий
С берегом отлогим
Дремлет,
Ожидая поздравленья.

Ждут привета
Дальние колхозы,
Новостройки
Гордых пятилеток...

В перелесках
Белые березы
Отряхают снег
С пушистых веток.

А под ними
В этот час порою
Вдруг боец услышит
На границе
Песню о строителе-
Герое,
Песню о Москве,
Родной столице.

Слава всем,
Творящим правду-сказку,
Слава всем,
Кто трудится с народом!
Слышу, бьют часы
На башне Спасской...
Мать моя Отчизна,
С Новым годом!

— Погляди-ка ты, какою
Стала наша детвора,
Поколение героев
Света, правды и добра!

Хороша, сказать по чести,
Смена вырастет у нас!
Потому-то с нею вместе
Можно всем пуститься в пляс...

Строительство села Ново-Демидово в Дымерском районе, Киевской области.
Фото С. Фридлянда

В НОВОМ ГОДУ —
Знатный вальцовщ
завода «Серп и мо
горьевич Клеймено
катном цехе б

Один из лучших
завода комсомол
бот
Фото

…ОВЫЕ ПОБЕДЫ
… московского
…» Михаил Гри-
…работает в про-
…е 40 лет.

…леваров этого
…Анатолий Суб-

…ении Игнатович

ВЕЧЕРОМ В ЛЕНИНГРАДЕ

Концерт в Филармонии

В Театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Идет балет «Спящая красавица».

Фото А. Гаранина

АРХИТЕКТУРА УКРАИНСКОГО СЕЛА

Огромного размаха достигло на Украине восстановление и строительство сел. Новый архитектурный облик приобретает украинская деревня. Начальник Управления по делам сельского и колхозного строительства при Совете министров Украинской ССР тов. Б. А. Иванов рассказал корреспонденту «Огонька»:

До Великой Отечественной войны на Украине проводилось значительное строительство в селах. Только за 1939—1944 годы в колхозах было сооружено свыше 100 тысяч производственных и общественных построек. Однако тогда эти работы не были подчинены единому плану.

Постановлением СНК УССР и ЦК КП(б) Украины «О строительстве жилых домов колхозников, производственных построек в колхозах и культурно-бытовых зданий на селе», принятым в 1945 году по инициативе Никиты Сергеевича Хрущева, было положено начало плановому строительству сел. Впервые возведение крестьянских домов стало делом общегосударственным.

Предстояло ликвидировать последствия опустошительной немецкой оккупации. По далеко не полным подсчетам Государственной Чрезвычайной Комиссии, на Украине фашисты разрушили или сожгли в селах около 500 тысяч производственных построек, свыше 550 тысяч жилых домов колхозников, десятки тысяч культурных учреждений.

Была поставлена задача: не просто восстанавливать разрушенное, а создавать новую архитектуру села, отвечающую культурным запросам колхозников. В этом сказалась великая сталинская забота о человеке, о людях советской деревни...

В 36 километрах от Киева, в Дымерском районе, раскинулась широко ставшая известной Ирпеньская пойма. Ее освоение, позволяющее организовать в непосредственной близости от столицы Украины мощную овощную базу, потребовало постройки в пойме ряда сел. Крупнейшее из них — Ново-Демидово — стало подлинной творческой лабораторией: здесь проверялись и претворялись в жизнь проекты наших архитекторов.

Первые колхозники-строители пришли на демидовскую площадку прошедшей весной. Ныне в Ново-Демидове красуются чистые, новые домики в один и в два этажа. Их каркасные деревянные стены красиво облицованы обожженным кирпичом, резные наличники украшают террасы и окна, крыши покрыты красной черепицей. Из 185 домов Ново-Демидова возведено уже свыше восьмидесяти, и многие семьи справили новоселье.

Новая архитектура села характеризуется простотой, четкостью и привлекательностью форм. В наружном и внутреннем оформлении зданий использован современный украинский национальный мотив. Разнообразны жилые строения с мансардными помещениями, верандами, террасами, крышами различной формы. Если для старой Украины была характерной хата в одну комнату, то теперь в доме колхозника имеется две — четыре высоких и светлых комнаты. Внутренняя планировка увязывается со двором и садом: кухня и сени окнами выходят во двор, центральная общая комната смотрит на улицу, а окна спальни — в сад.

По вопросам сельского строительства почти не существовало литературы, мало было и практического опыта. Поэтому возникла необходимость создать специальный институт проектирования сельского строительства — Гипросельстрой.

Творческая мысль архитекторов и инженеров неустанно работает над усовершенствованием строительства. Для домов степных районов, бедных лесом, предусмотрены специальные перекрытия. Особый интерес представляет экономичная кладка кирпича.

Творческие бригады в составе архитекторов, геодезистов, строителей, экономистов разъезжают по Украине. Они изучают условия и перспективы производственного развития сел с тем, чтобы отразить их в своих планах.

Большое место в нашей строительной практике занимает планировка сел, которых на Украине насчитывается свыше 20 тысяч.

Старые украинские села состояли из усадебных участков, без всякой системы примыкающих к улицам, из путаных переулков и кривых тупиков. В одних деревнях постройки теснятся друг к другу, в других, наоборот, усадьбы разбросаны. Иные села растягиваются в одну улицу на несколько километров.

Новые села должны отличаться от существующих компактностью, четко выраженной планировкой улиц, правильным расположением жилой территории, хозяйственных построек и административно-культурных центров.

В большинстве случаев мы выполняли планировочные проекты тех сел, которые подверглись наибольшему разрушению. В проектах часто встречается вариант раздела приусадебных участков на две части: одна находится там, где строится дом, а другая отводится под огород и располагается вместе с аналогичными участками вне жилой части села. Таким образом, не уменьшая общей площади приусадебного участка, возможно создать компактную планировку села — со стройными кварталами, прямыми улицами, обсаженными декоративной зеленью, с красивой центральной площадью.

Другой тип проектов — частичное переустройство села. В этом случае мы стараемся упорядочить ее архитектурный облик, выносим за черту села производственные постройки и предприятия, устраиваем площадь, разбиваем сады и парки.

Для проведения архитектурного переустройства в помощь районным работникам издан ряд пособий. 2500 председателей колхозов получили строительные проекты. Эти проекты, призванные благоустроить колхозную деревню, создать выдержанный архитектурный ансамбль, сейчас претворяются в жизнь.

Село Елино, в Щорском районе, Черниговской области, за активную связь населения с партизанами было дотла сожжено оккупантами. Ныне село возродилось, украсилось прямыми улицами и благоустроенными домами. В нем выстроено 255 жилых домов, хозяйственных построек и культурно-бытовых зданий. Около 350 жилых домов выстроено в селе Ведильцы, Михайло-Коцюбинского района, этой же области.

На месте развалин встает красивейшее село Михайловка, Ново-Воронцовского района, Херсонской области. Его строительство ведется методами народной стройки при участии 30 колхозов.

Очень успешно проводится строительство в колхозе имени Буденного, Березовского района, Одесской области. Его возглавляет известный мастер высоких урожаев Макар Онисимович Посмитный. В электрифицированном колхозе уже выстроены коровник на сто голов с механизированной подачей воды и кормов, ряд жилых домов, по пяти комнат каждый, кирпичный завод, установлена пилорама. В ближайшие два года колхозники собираются возвести еще 105 домов и клуб.

С момента освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков восстановлено и вновь построено 800 тысяч жилых домов, 200 тысяч производственных построек, 27 тысяч культурно-бытовых зданий.

Грандиозный размах колхозного строительства потребовал подготовки специальных кадров мастеров-строителей, способных правильно организовать работу и свободно читать чертежи. За время с 1945 года на различных курсах обучено 13 820 таких мастеров и бригадиров.

Создается большая материально-производственная база сельского строительства; сооружено 2024 колхозных предприятия по производству кирпича и черепицы, 1136 известковых печей, 3816 столярных мастерских. В колхозы завезено свыше 200 кирпично-черепичных прессов, 433 черепичных пресса, 1631 циркулярная пила, 59 пилорам и другое оборудование.

Совершенно новое явление в сельском строительстве — газифицированные заводы по производству кирпича и черепицы, работающие на торфе и сельскохозяйственных отходах. В Харьковской, Черниговской и Киевской областях 7 таких заводов, с годовой мощностью в один миллион штук кирпича и черепицы каждый, уже дают высококачественную продукцию. Завершается строительство еще 49 газифицированных заводов.

В колхозном строительстве — еще серьезные недочеты. Проведенная работа — это только начало, главное — впереди. В течение трех лет все села Украины должны быть обеспечены проектами планировки.

Недалек тот день, когда навсегда уйдет в прошлое Украина соломенных крыш. Искусство архитектуры, которое веками было преимуществом городов и барских усадеб, становится на службу всему советскому народу.

Социалистическое переустройство сел — великое завоевание нашего государства. Советские люди создают новый образ деревни, отвечающей их новой, счастливой жизни.

Макет планировки села Тягинка, Херсонской области. Слева — автор проекта архитектор В. А. Кравченко.

Фото С. Фридлянда

В горах

Николай ТИХОНОВ

САНЧАРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Высоко в небе, над Абхазией,
Санчарский перевал,
Там путник разве что с оказией
Случайно побывал.

Туда ведут лишь тропы узкие,
Опасные в ночи,
По ним текут туманы тусклые
И горные ключи.

И он, ничем не примечательный,
Тот каменистый вал,
Стал местом битвы замечательной —
Санчарский перевал.

Здесь враг хотел пробиться в Грузию
Кратчайшей из дорог,
Огня и камня грозный узел он
Перерубить не мог.

Здесь пушки скатывались в пропасти,
Сорвав лавины ком,
Здесь альпинист делился доблестью
С бывалым моряком.

И вихрь, как чернь орлиных перьев,
Дым битвы уносил,
Отсюда рапортовал Берия
Вождю советских сил,

Что с перевала враг подкошенный
Сметен в снегов провал...
И Сталин видел в небо брошенный
Санчарский перевал,

В крови, осколками изрезанный,
Размолотый, пустой...
Плывет сегодня синь небесная
Санчарской высотой.

Туда ведут лишь тропы узкие,
Опасные в ночи,
По ним текут туманы тусклые
И горные ключи.

И только крыльев тень орлиная,
Ложась на перевал,
Напомнит жителю долинному
О битве между скал.

Да где-то карта есть с названием,
Что Сталин называл,
Да где-то есть воспоминание —
Санчарский перевал!

РАДУГА В САГУРАМО

Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках,
Друзей соединяя.

И золотистый дождь кипел
Среди листвы багряной,
И каждый лист дрожал и пел,
От слез веселых пьяный.

В избытке счастья облака
К горам прижались грудью,
Арагвы светлая рука
Тянулась жадно к людям.

А гром за Гори уходил,
Там небо лиловело,
Всей пестротой фазаньих крыл
Земли светилось тело.

И этот свет все рос и рос,
Был радугой украшен,
От сердца к сердцу строя мост
Великой дружбы нашей.

☆ ☆ ☆

Ломаются и хрипнут голоса,
И новые идут на смену им —
Теперь не разберусь уже и сам,
Принадлежу я к голосам каким.

Оставшись войн великих ветераном,
К спокойному не склонен рубежу.
И лишь пахнет в лицо мне ветер ранний,
Я в новый путь веселый выхожу.

И хочется еще мне говорить
О зареве, бегущем невской льдиной,
И о пожаре медленной зари
Над мирною Мухранскою долиной.

Они со мной — походный мой мешок
И сапоги с подкованной подошвой,
Чтобы стихам шагалось хорошо
В большом пути под самой трудной
ношей.

И в тихом Сагурамо я живу,
Как будто бы в блаженном сне богатом,
Лишь потому, что грозно наяву
Я слышу грома дальнего раскаты.

И стих встает к оружью, как солдат,
Проспавший ночь у друга на биваке
Под крышей и встающий снова в ряд
Для боевой, для стиховой атаки!

АБХАЗСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Впадавшую в море увидел ее,
Гумисту, текущую плавно,
К ногам положила мне сердце свое
Из крепкого, смуглого камня.

Другого не может и быть у реки,
Рожденной на каменном ложе
И с детства зажатой в такие тиски,
Что вспомнить без гнева не может.

А горы, что шли, громоздясь над рекой,
Громадою леса покрыты,
И сердце зеленой громады такой
Из лучшего было самшита.

А леса повыше, за Бзыбским хребтом,
Взобравшись на каменный ворох,
Стоят, с головою покрытые льдом,
Совсем бессердечные горы.

От края до края отсюда видны
Абхазские веси и долы,
И пенистый взмет черноморской волны,
И свет винограда веселый.

Сады, и поля, и дороги струна,
Гляжу, не могу наглядеться —
И все это вместе согрето сполна
Большим человеческим сердцем!

НА ГОРЕ ЗЕДАЗЕНИ

Желтый лес, синий снег,
Новый снег, вчерашний,
Как уснувший печенег,
Крепостная башня.

Красный светится кизил
В золоте осеннем,
А по снегу заскользил
Свежий след олений.

Весь наполнен солнцем лес,
Будто снова лето,
Далеко внизу Загэс,
Под ногами Мцхета.

Грузия внизу плывет
Сказочным рассказом
И времен водоворот
Можешь видеть глазом.

Даже года времена
Здесь смешались тоже,
Голубая крутизна
На стихи похожа.

Это песня — не гора,
Эти строки — склоны,
Эти тропы серебра,
Этот лес червонный!

ЦХНЕТИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА

Заря через сумрак рассветный,
Как розовый кралась олень,
Являлся потом многоцветный,
Стихами пронизанный день.

И правды стиха не унизив,
Природа вставала над ней,
Над шквалами строф Леонидзе
Всей песенной силой своей,

Как будто хотела потоком
Листвы золотого дождя
Дополнить в раздумье глубоком
Поэму о детстве вождя.

И дети шумели, как листья
На Цхнетской поляне цветной,
И строк виноградные кисти
Темнели передо мной.

Две девочки в синем резвились
Под звонкие звуки зурны,
Которые к нам доносились
Из сельской большой тишины.

А ночью тревожно веселой
Под нами роились они,
Червонного золота пчелы,
Ночного Тбилиси огни.

...Над каменным горным народом
Лег мертвый свинцовый закат,
В тот час почтальон мимоходом
Сказал нам: «Варшаву бомбят».

...И Цхнети исчезло куда-то,
Оставив лишь в памяти свет
Листвы золотистой, заката,
Стиха, просверкавшего вслед!

НЕИЗВЕСТНОМУ ТОВАРИЩУ

Придут далекие года,
Настанет вновь весна,
Слетят со скал обломки льда,
И лес проснется, как всегда,
Рекой пройдет волна.

Товарищ неизвестный мой,
С корой сожженных губ,
Пойдет на кручи, как домой,
Сжимая ледоруб.

Взойдет в безмолвие снегов —
Пусть ноша нелегка,
Затянет он веревку вновь
Узлом проводника.

Его охватит радость гор,
Что знали я и ты,
Он снова разожжет костер,
Спустившись с высоты.

И вспомнит он всех тех других,
Сидевших у огня,
И выпьет он за память их,
И, значит,— за меня.

Он чмокнет сладко языком,
Своим довольный днем,
Грузинским капнет он вином
На черствый хлеб потом.

И спросит девушка: «Зачем,
Что это значит — вдруг!»,
Он объяснит ей без речей,
Что вечен жизни круг,

Что завтра рано им вставать,
Что ждут их гребни скал...
Им будет мир принадлежать,
Как нам принадлежал!

Рисунок В. Климашина

Миша

Рассказ

Лев СЛАВИН

Миша вышел из дому, как всегда, в семь утра. Это низенький, плотный паренек с квадратным торсом и в маленькой круглой кепке, щегольски обтягивающей голову.

Глаза у Миши задумчивые и вызывающие. Улыбка подстать глазам: рассеянная и вместе задорная. Миша и сам затруднился бы сказать, что он больше любит: мечтать или работать. Может быть, именно поэтому он и стал лучшим прокатчиком проволочного стана. Ведь всякий труд сладостен, когда его ведет мечта.

Миша живет недалеко от завода. По дороге ему не надо справляться с часами, чтобы узнать время. Ровно в четверть восьмого возле магазина «Цветы, семена» обязательно появляется осанистый вертлявый старик (по мнению Миши, юрисконсульт), который спешит куда-то к себе в учреждение, помахивая новеньким портфелем «под кожу».

Дальше, примерно на траверсе ресторана второго разряда «Енисей», неизменно пробегает бежевая «Победа», где сидит заведующий коммерческой частью завода товарищ Силантьев, и это значит, что сейчас точно двадцать семь минут восьмого.

Еще через три—четыре минуты возле газетного киоска Миша обычно обгоняет высокую девушку со светлыми косами, туго заплетенными на затылке. Какое у нее лицо, Миша не знает, потому что оглядываться он считает несовместимым со своим положением первого подручного вальцовщика. Он только косится, не поворачивая головы. А при этом что увидишь? Тонкую линию щеки, длинные ресницы, почему-то всегда опущенные...

А когда Миша взбегает бодрым шагом левого края полузащиты на пешеходный мостик над рельсами Московско-Курской, сразу становятся видны трубы мартенов, и это значит, что до проходной рукой подать.

Но вот сегодня в положенное время прошел предполагаемый юрисконсульт с портфелем «под кожу», мелькнул, как по расписанию, заведующий коммерческой частью в бежевой «Победе». А девушки со светлыми волосами нет.

Миша озадаченно смотрит на часы. Тридцать одна минута восьмого. Самое время. Бывает, конечно, что человек забюллетенит. Хорошо, если только грипп. А вдруг посерьезнее? Догадаются ли старики вызвать врача? Но, собственно, почему старики? Почему не муж, — вероятнее всего, чемпион по десятиборью, или лауреат международных и всесоюзных конкурсов пианистов, или летчик-испытатель реактивных самолетов... Миша сердито притормаживает разыгрывавшееся воображение и подходит к газетному киоску, чтобы купить «Программы радиопередач».

— Кто последний? — бормочет он, примыкая к небольшой толпе, и вдруг испуганно отступает: перед ним хорошо знакомый узел светлых, туго заплетенных кос.

И тут Миша делает промах, от которого лицо его заливается краской смущения. Он выпаливает:

— Что же вы сегодня так рано?

Она поворачивается, и Миша впервые видит ее лицо — все сразу, в нестерпимой близости. Глаза, в которых собралась вся синева неба. Брови, похожие на полет орла, — иначе не скажешь. И носик тоненький и вздернутый, такой вздернутый, что он забавно подтянул к себе верхнюю губу. И ослепительная улыбка, тотчас же, впрочем, притушенная.

Девушка говорит с насмешливым смирением:

— Очень извиняюсь, больше никогда не буду, товарищ Медведев Михаил.

— Вы меня знаете? — изумляется Миша.

— Я видела ваш портрет в «Сталеварке». Только я думала, что вы гораздо выше.

Миша собирает всю свою солидность бывалого восемнадцатилетнего мужчины и брякает — увы! — не очень находчиво:

— Плохая фотография.

И краснеет еще больше.

Через минуту они идут рядом, оживленно разговаривая, и сразу открывается множество поразительных вещей.

Оказывается, во-первых, что она тоже работает на заводе, только в другом цехе, в сталепроволочном. Она шлифовщица. Но удивительней всего, что она учится в той же 21-й школе рабочей молодежи. Как же так он ее ни разу там не видел? Он в десятом «Б». А она? В восьмом и девятом? Сразу? Ах, она хочет пройти за год оба! Тяжелый номер! Может быть, он может ей помочь? Нет, спасибо большое, она справляется сама. Она лучше всего идет по литературе. А он? По химии? Живет она у заставы Ильича с мамой и сестренкой. Ее зовут

рая Ракитникова. Ребята ее называют: «Ра-Ра». Нет, она не собирается поступить в вечерний Металлургический. Ее влечет в Тимирязевку. Ей кажется, что переделывать природу гораздо интересней и важней, чем возиться с фрезеровкой и прокаткой. Можно поспорить на эту тему. Когда? Можно поспорить хотя бы сегодня вечером. Так часов в восемь. У библиотеки, на Школьной улице, что против бензиновой колонки. Нет, спасибо, она никогда по утрам не ест мороженого.

Миша долго жмет маленькую руку с широким большим пальцем.

На заводском дворе он пускается бежать не только потому, что уже довольно поздно, но и потому, что ему чертовски радостно и весело. Такое настроение можно расплескать, если тащиться шагом. Увидев в глубине двора Сеню Корзинкина, члена комитета комсомола по быту, Миша бросается к нему, хоть и недолюбливает этого хмуроватого паренька. Мише хочется излить на кого-нибудь избыток радости — все равно, на кого.

Он смотрит на Сеню Корзинкина смеющимися, дружелюбными глазами и еще не очень хорошо знает, что он ему сейчас скажет.

Корзинкин с каменным лицом сует Мише руку, не глядя в глаза и отвернув куда-то голову на долгой шее. Точно милостыню подает. Такая у него противная манера: мол, руку-то я тебе даю, но на разговор со мной ты, брат, не очень рассчитывай.

У Миши спадает оживление.

— Сеня, знаешь что...— мямлит он.

Корзинкин слушает, опять-таки не глядя в глаза, но на этот раз не с опущенной головой, а, напротив, задрав ее в небо и всем своим видом глубокомысленной рассеянности подчеркивая, что хотя он и согласен выслушать Мишу, но заранее знает, что ничего стоящего Миша не скажет.

— Вот, понимаешь, — лепечет Миша, подавленный сениным превосходством, — обследовал я, значит, общежитие на Волочаевской... Проверял к зиме... В части отопления неполадки... Двери худые... А в жилищно-бытовом, понимаешь, никак не раскачаются... Я думаю, то есть у меня такое предложение, вот не знаю, как комитет смотрит: надо, товарищи, комсомольский рейд организовать в общежитие... В части крыш наблюдается протекание...

Он умолкает, чувствуя, что каким-то непонятным образом попал в положение просителя, и презирая себя за это.

— Ты этот вопрос подработай. Будешь завтра докладывать на бюро с активом. А мы поможем. На тебе обеспечение явки твоих ребят, — отрывисто говорит Сеня.

И следует далее через двор, поощрительно кивая знакомым ребятам.

Миша смотрит ему вслед с возмущением и с легкой завистью. Интересно, у кого Сенька скопировал этот сановный стиль, который он, видимо, считает непременной принадлежностью «крупного работника», как красные лампасы являются непременной принадлежностью генерала.

«А в комсомольский рейд, — думает Миша, — обязательно включу Ра-Ра».

Ему снова делается радостно, и он опять пускается бежать, пересекая золотые косяки солнца, простертые на асфальте меж высоких, плечистых цеховых корпусов. Чистый, вкусный, чуть морозный воздух бьет в лицо.

Впрочем, в цеху Миша сразу переходит на шаг, степенно ступая по железным рифленым плитам пола. Некоторые из них покосились от времени. Это самый старый цех, и кое-что не мешало бы в нем подправить.

Нет, он не опоздал. Третья смена еще не кончила. В длинной печи весело неистовствует огонь. Раскаленный слиток проворно снует по рольгангам, проложенным в полу. Странно думать, что эта восьмисоткилограммовая стальная туша очень скоро превратится в тонкую, бесконечно длинную проволоку.

Полутьма цеха прочерчена огненными петлями извивающегося металла. Вылезая из клетей, он фейерверочно пышет искрами. Ребята ловко поддевают его клещами и суют в канавки валков. Через несколько минут смене кончать работу, но она нисколько не умеряет темпа, скорее усиливает его, как футболисты перед концом игры.

Миша напрягает слух, и сквозь бешеный гул печей, лязг подъемных кранов, железное жужжанье моталок его наторевшее ухо вальцовщика улавливает бодрый, равномерный, сильный ритм прокатного стана. Да, нельзя отрицать: ребята третьей смены здорово спелись.

Миша кидает ревнивый взгляд на доску учета социалистического соревнования. Конечно, так и есть! В графе третьей смены белеет торопливо вписанная мелом цифра: «165%»...

Первая смена сидит в ожидании за старым деревянным столом у стены. Трапезников, как всегда, уткнулся в ноты, должно быть, готовится к занятиям в вечерней музшколе. Губы его шевелятся. Но ничего не слыхать в звоне и уханье машин.

Балабуха и Карпов разговаривают знаками, как глухонемые. Здесь в постоянном грохоте у прокатчиков выработался особый язык жестов и мимики.

Другие просто курят или дремлют. Ребята все рослые, как на подбор, и, приближаясь к ним, Миша невольно выпрямляется, словно стремясь удлинить свой росточек.

Особенно крупен Женя Усатов, черноволосый великан, запальчивый, шумный, с несколько игривой репутацией лучшего плясуна на заводе.

Сейчас он непривычно грустен, сидит, подперев большую щеку кулаком, и нехотя отругивается от наседающего на него Иконникова. Тот, приблизив губы к его уху, кричит:

— Ну, чего ты томишься? Шел бы, честное слово, в поликлинику. Я с тобой по-хорошему говорю. Ты ж нам всю картину сорвешь. Перетанцовал, видно. Без тебя управимся. Гуляешь много, Женька.

— Не на твои, — устало огрызается Усатов, — гуляю от станка.

Миша обеспокоен. Он прикладывает руку к горячему и влажному лбу Усатова.

— У тебя же температура, — кричит Миша, — не упрямься, Женька! Я мастеру скажу.

Усатов гневно подымает голову. Но не успевает ничего сказать. Третья смена кончает. Миша, Женя и прочие ребята разбегаются по местам.

Поначалу работа идет несколько вяло. Трудно даже сказать, почему. То ли Балабуха чуть запаздывает укладывать на посадочный стол заготовку. То ли она чрезмерно задерживается в печи. То ли ребята слишком долго копошатся с ней у клетей стана. Так или иначе, но Миша своим непогрешимым чувством ритма ощущает присутствие каких-то незаконно прокравшихся пауз. Каждая из них ничтожна, а вместе — целое болото простоя.

Миша нервничает. Он кидает тревожные взгляды на Усатова. Нет, Женя в порядке. Склоняя свое сильное тело, он схватывает огненную стальную змею клещами так крепко, что даже на расстоянии чувствуется, как пружинят их рукояти. Потом, размашисто повернувшись, загибает эту длинную раскаленную змею большой петлей и сует ее в узкий ручей валка.

И только металл оттуда выходит, сплющившись и удлинившись, уже приобретя очертания проволоки, как в него вонзает челюсти клещей Миша и движениями, которые давно уже стали автоматическими, пропускает металл между валками своей клети, чтобы он там еще больше утончился и вытянулся.

И постепенно Миша чувствует, как начинают исчезать эти непрошенные паузы, словно они выжигаются в огне работы. У Миши едва хватает времени окунать разгорячившиеся клещи в чан с проточной водой. Вода шипит, от клещей встает пар.

Миша с наслаждением ощущает, что наступила та чудесная слаженность в работе, когда кажется, что она идет сама собой.

Вся смена, от посадчиков в печь до съемщиков проволоки, — все эти ребята, такие разные по навыкам, телесной крепости и душевному строю, действуют, как один могучий человек.

И если приглядеться, то видать, что личные особенности каждого — то, что создается темпераментом, привычками, воспитанием, — не тонут в этом общем усилии, а, напротив, чем дальше, тем проступают все резче, подобно тому, как игра в оркестре не обезличивает, а, напротив, развивает таланты артистов.

— Познакомься поскорее
С нашим новеньким рублем!
Он всегда тебе сумеет
Быть опорою во всем.

В светлый вечер новогодний,
Свой обильный стол хваля,
Все приветствуют сегодня
Силу нашего рубля!

Хлебом, сахаром и мясом
Нас теперь не удивишь!
Все сильнее с каждым часом
Наш прославленный крепыш...

— Здесь мир науки, мир познанья!
Связал он с жизнью всей страны
Огромный опыт созиданья,
И кропотливость изысканья,
И дерзость умной новизны.

Помог он землю делать тучной,
Сумел строительству помочь,
И смог погруппно и поштучно
Ошметки мысли лженаучной
Большой метлою выместь прочь.

Трапезников работает, как поет, округло занося клещи и чуть привставая на носки, точь-вточь, как тенор, который берет чистую, долгую и восхищающую его самого ноту. Женя разъяренно хватает металл, вперясь в него ненавидящими глазами; это словно непрерывный ряд отчаянных схваток, из которых он неизменно выходит победителем. Валя Иконников работает с холодноватым спокойствием, размеренно, неутомимо, и кажется, что его гибкое в сочленениях тело может склоняться и распрямляться бесконечно. Движения Миши полны естественности и свободы, они отработаны до блеска, их скупостью и целесообразностью можно любоваться.

Ими и любуется сейчас незаметно появившийся в пролете цеха человек с упрямым лбом и насмешливо выпяченной нижней губой.

Ребята на него не смотрят, хотя давно заметили его. Миша первый прокричал сдавленным голосом Усатову: «Старик пришел!» Известие это пошло по смене, передаваемое многозначительным подмигиваньем или коротким указующим кивком.

Стариком этот человек может быть назван только, если смотреть на него из безграничной глубины комсомольской молодости. Механику цеха Льву Шапировскому едва ли сорок. В цеху немало бригад и смен. Но Шапировский чаще всего приходит именно к этому стану. Его охватывает то сладко щемящее чувство, которое владеет нами, когда мы вновь попадаем в места, где родились и росли. В сущности, под этими задымленными пролетами он родился как сознательный человек.

Здесь появилась на свет в тридцатом году комсомольско-молодежная бригада. И с тех пор, пропуская сквозь себя поколение за поколением, она существует восемнадцать лет. Говорят, что люди бессмертны в своих детях. Другие говорят, что люди бессмертны в своих делах. Так вот же оно, истинное бессмертие! Разве эта бессменная смена комсомольцев — не подлинное воплощение непрерывного потока жизни? Разве Миша Медведев, Женя Усатов, Петя Балабуха и другие — не их сыны, нет, не сыны, а уже, пожалуй, вроде правнуков, сформованные и обожженные, как и они сами когда-то, в огне сталинских пятилеток?

Наступил обеденный перерыв. К Шапировскому подошел мастер цеха Мотя Прозоров, его ровесник, в спецовке, распахнутой на голой груди и с постоянным выражением веселой озабоченности на мокром от пота лице. Ребята окружают «стариков», прислушиваясь к их разговору.

— Отсюда, — вспоминает механик, — из нашей бригады мы уходили в университеты и академии. Далеко шагнули наши комсомольцы! Иные стали министрами, секретарями обкомов, генералами. А многих все-таки тянет обратно, на родной завод, и они возвращались сюда. Иванчук закончил Промакадемию, и, вы его знаете, он у нас обер-мастер. Морозов Вячеслав — инженер, заместитель начальника мартеновского цеха. Корнблит Борис, тоже наш фабзаяц, — в конструкторском бюро, работает по новому устройству. Ну кто еще? Гурьян, Казакевич — ну куда ни глянешь, все старые комсомольцы нашей бригады, все инженеры. Вот только ты, Матвей, единственный...

— Не, я практик,— говорит мастер весело.

— Наук убоялся? Это неправильно.

— А разве я что? Возражаю? — охотно соглашается Прозоров и с легкой ехидинкой в голосе продолжает: — А скажи, пожалуйста, Лева, вот правильно ли, что ты не хочешь переходить в министерство на большую работу, а руками и ногами цепляешься за цех? А?

Шапировский смеется, мотая упрямым лбом:

— Ой, неправильно! А все-таки придется, как ни больно отдирать себя от завода. Кто нас выращивает, пойми ты это, Мотя: народ, партия. Так? Значит, отказываться от возможности роста — это идти против народа и партии.

— Ну, ну! Не подводи меня под статью, — смеется Прозоров.

Мише чудится в смехе мастера что-то деланное. Ему хочется сказать Прозорову, что у них, в 21-й школе, учатся и сорокалетние и постарше. Но он стесняется сказать это.

Шапировский смотрит на Мишу своими маленькими проницательными глазами и, кажется, понимает его чувства. Он кладет Мише на плечо руку и говорит:

— Хотел бы я знать, кем ты будешь в день семидесятилетия ВЛКСМ?

Он смеется, и в то же время легкая грусть набегает на его лицо, как всегда, когда мы говорим о временах, которых нам не придется видеть.

Но Мише эта дата нисколько не кажется фантастической. Подумаешь, каких-нибудь сорок лет...

— Лев Ефимович, — говорит он, немного волнуясь и, как обычно в такие минуты, вспыхивая, — представляете, каким тогда будет це ? Работать мы будем ведь не на мазуте тогда, даже не на электричестве, а на ядерной энергии!

— А продукция, представляешь?— пылко вмешивается Иконников.— К тому времени мы полностью освободимся от работы на оборону, потому что капиталистического окружения давно уже не будет. И будет...

— Буква «В» в слове ВЛКСМ, — азартно перебивает его Балабуха,— будет означать: «всемирный»!

Ребята перебивают друг друга, размахивая руками в асбестовых рукавицах. Их увлекает эта игра воображения. Мечты их так реальны! Даже Женя Усатов не выдерживает. Блестя горячечными глазами, он сипит:

— Слушайте меня, ребята: мы увидим не только семидесятилетие, а и столетие, а может быть, шут его знает, и стодвадцатилетие комсомола... Стой, не перебивай! Да, да, именно мы! Персонально! Собственными глазами! Потому что ведь жизнь человеческая удлинится в коммунистическом обществе.

— Друзья, — говорит мастер, — до стодвадцатилетия еще годков девяносто, а до конца перерыва ровно шестнадцать минут. Так что...

Ребята со смехом убегают в столовку. Уходит и Шапировский с Прозоровым. Им нужно в райком на совещание. Один только Женя Усатов, пророк долголетия, остается в цеху.

«Я болен, — думает он, — я совсем болен... Вот позор... Не показывать... Пересилить... Выстоять»...

И, уронив на руку тяжелую голову, он погружается в пылающее забытье малярии.

Но когда через несколько минут смена возвращается в цех, Женя, как ни в чем ни бывало, стройный, огромный, стоит у своей клети. Только крупный пот катится по его высокому лбу, да странно пожелтели белки глаз. Но это так легко принять за отсветы тысячеградусного пламени, бушующего в печи.

Неожиданно в цеху появляется Сеня Корзинкин. Расставив ноги и значительно склонив голову набок, он наблюдает смену.

А тут, как на грех, работа начинает стопориться. В такие минуты наблюдатели неприятны.

«Чорт тебя принес, — думает Миша с досадой, — очень ты здесь нужен!»

Опять вползают паузы. Невозможно понять, откуда они берутся. Но они поблескивают то там то сям, эти стоячие лужицы времени. Причем они показывают явную склонность к разбуханию.

Миша бросает взгляд на Усатова. Ах, вот оно что!

Женя крепится. Но видно, что ему не по себе.

Поворачиваясь, чтобы согнуть заготовку, он вдруг пошатывается. Металл выскальзывает из его клещей. Все с беспокойством глядят на Женю. Да, это все те же яростные схватки с металлом. Но уже не Усатов выходит победителем.

Наконец ему удается схватить заготовку клещами. Он тычет ее в отверстие клети — раз, другой, третий... И все не попадает.

Смена застывает в гневном изумлении: Женя забыл обрезать конец заготовки! Забывчивость, непростительная даже для мальчишки-ремесленника.

Миша подбегает к Жене. И во-время: он успевает подхватить его большое грузно оседающее тело. Клещи со звоном падают на пол.

— Корзинкин! — кричит Миша. — Отведи его в поликлинику.

Сеня Корзинкин вместо ответа поворачивается и со своим мрачно величественным видом уходит в глубь цеха. Ребята переглядываются с возмущенным недоумением.

Карпов подходит к доске учета и пишет мелком:

«Усатов задержал перестановку, путал, вроде заболел».

Ребята совещаются под назойливые звуки моталки, вращающейся вхолостую. Мастера нет. Бригадира нет. Ждать их? Или позвонить в заводоуправление? Или перераспределить силы и постараться управиться самим?

В полутьме цеха снова возникает Корзинкин. Рядом с ним тетя Маня, кладовщица. Она берет Женю под руку. Он на мгновенье приходит в себя и порывается к клети таким мощным движением, точно к нему вернулась былая сила. Но тотчас слабеет и покорно идет с тетей Маней к выходу.

А Сеня Корзинкин, натянув рукавицы, становится на его место. Он как будто не замечает удивления смены.

С секунду он словно примеривается, глядит на ножницы, без умолку чавкающие возле клети, смыкаясь и размыкаясь. Потом решительно сует в них конец заготовки и, обезглавив, вставляет ее в ручей валка.

Несколько пар глаз придирчиво следят за каждым движением Корзинкина.

Он работает деловито, чисто, действуя клещами, как продолжением рук. Строптивый металл становится послушным в его длинных вездесущих руках. Металл словно ластится к Сене, словно сам лезет в клещи. Сеня проворно движется среди этих раскаленных извивающихся лент, и Мише кажется, что член комитета по быту похож в эти минуты на заклинателя змей. С него точно отшелушилось его торжественное благообразие.

Миша вспоминает, что Сеня Корзинкин был когда-то вальцовщиком и что-то было связано с его именем. Но что, Миша не может припомнить. Так давно это было, верно, в сорок втором. А вернувшись с войны, Сеня сразу начал работать в комитете.

В четыре часа работа кончена. Карпов, летописец смены, азартно ломая мелок, пишет на доске соревнований:

«210%».

И, подумав немного, прибавляет: «!»

Миша подходит к Корзинкину.

— Знаешь что, Сеня...— начинает он.

Мише хочется сказать Корзинкину что-то очень теплое и сердечное. Но вид глубокомысленной рассеянности, который принимает Сеня, задравши голову в небо и не глядя в глаза, расхолаживает Мишу. И он неожиданно для себя начинает плести что-то о легированных марках сталей, о технико-экономических нормах и т. п.

Корзинкин, послушав немного и окончательно убедившись, что ничего путного от Миши не услышишь, поворачивается и уходит.

«Что же это мы с ним...» — с досадой думает Миша и тоже выходит из цеха.

Корзинкина уже не видать. Двор пуст. Только сияющий осенний день скитается меж корпусами, тихонько посвистывает на углах и гоняет по асфальту тени облаков.

На одном из перекрестков двора Миша натыкается на Шапировского.

— Ну, что, — говорит «старик», насмешливо выпячивая нижнюю губу,— показал вам Корзинкин класс работы? Это я его к вам в цех послал: вижу, с Женей Усатовым неладно... Да, брат... Лет шесть назад Сеня Корзинкин был такой вальцовщик... Талант!

— И ушел со стана! — с упреком говорит Миша.

Шапировский сердито смотрит на Мишу:

— Ах, так ты, умница, думаешь, что с людьми легче работать, чем с металлом? Марки сталей мы с тобой понатужимся — как-нибудь перечислим. А люди — что ни человек, то другой сплав. Тебя, небось, в печь не всунешь, клещами не ухватишь... Да куда ты? Корзинкин не в комитете. Он пошел в поликлинику проведать Усатова. А тебе, между прочим, в голову не пришло это сделать...

* * *

Вечера в эту пору длинные. Солнце неспешно стекает в пролет Школьной улицы. Высоко в небе курятся трубы мартенов, и кажется, что это из них вылетает нежная тень сумерек и медленно смуглым золотом оседает над заставой Ильича. Большие стекла в окнах универмага превратились в пылающие щиты.

Еще светло, но уже зажглись низенькие фонарики на стрелках Московско-Курской. Продавцы на площади засветили лампочки в длинных деревянных ларях, набитых всякой галантерейной и съедобной всячиной. Над бензиновой колонкой тоже зажегся большой белый шар.

Миша оперся своим маленьким квадратным телом о стену библиотеки. Его объемистые легкие с наслаждением вдыхают свежий вечерний воздух, чуть приправленный бензином.

Миша размышляет. Кепка сдвинута на брови. Он мысленно перебирает события дня и недовольно хмурится.

Еще год назад, когда Мише исполнилось семнадцать лет, он завел обыкновение каждый вечер подводить итог пережитого дня. Этим он как бы провел черту между детством и зрелостью. Он считал, что ежедневный беспощадный разбор ошибок, душевных потерь и приобретений поможет ему стать сознательным человеком. Он хотел не бессильно плыть в потоке жизни, но управлять им. Так он готовил себя к тому дню, когда вступит в партию.

Да, сегодняшним днем он похвалиться не может. Какое невнимание к Жене Усатову, сколько противного самолюбования в разговоре с Ра-Ра! А главное, проявить такую близорукость в отношении Сени Корзинкина! Не увидеть за смешными повадками большое сердце и ясную голову настоящего коммуниста. Да, если он, Миша, будет продолжать таким образом, то из него получится не смелый и проницательный борец за новую жизнь, а самодовольный болтун.

С мрачным ожесточением лузгая семечки (и от этой деревенской привычки давно пора, между прочим, избавиться), Миша корит и бичует себя.

Но почему-то счастливая улыбка нет-нет да прорывается на пухлые губы этого сурового обличителя. Потому ли, что сумерки такие славные? Потому ли, что ему так хорошо работается и живется? Потому ли, что он уверен, что подружит с Сеней Корзинкиным, и это будет большая и интересная дружба? Потому ли, что в пролете улицы показалась высокая девушка со светлыми волосами и уже издали машет ему рукой...

— Не догнал тебя? Ну, что же!
Я горжусь тобой, юнец!
Ты для нашей молодежи
Превосходный образец!

Будешь ты достойной сменой
Мне и в спорте и в строю.
Видишь, сколько рекордсменов
Я тебе передаю?

Длинным списком чемпионов
Ты по праву будешь горд.
Но десятки миллионов
Ты втянуть обязан в спорт!

Помни это, сделай это,
Чтобы силою своей
Человек Страны Советов
Был бы крепче всех людей.

Чтоб сомкнуться в нем сумела
(Так себе и запиши!)
Красота ума и тела
С красотой его души.

Академик Трофим Денисович ЛЫСЕНКО.

Фото Д. Бальтерманца

ПРЕЗИДЕНТ НАРОДНОЙ АКАДЕМИИ

Геннадий ФИШ

I

Теперь уже привыкли, что, входя в кабинет президента, надо сначала оглядеться, чтобы не наступить на лежащие на полу, на ковре, снопики пшеницы. Это или ветвистая пшеница, привезенная академиком Колесником с Украины, или прекрасная озимая, доставленная в Москву из Сибири, или образцы отличных новых сортов пшеницы из Одессы.

Слева длинный стол сплошь завален снопиками пшеницы и других злаков, интересующих сейчас Трофима Денисовича... На письменном столе перед ним, вперемежку с книгами,— кукуруза с разноцветными зернами в каждом початке (тоже результат чрезвычайно плодотворного опыта), стаканчики и склянки с проросшими уже черенками кок-сагыза. И, разговаривая с посетителями, академик то и дело взглядывает на эти зеленеющие всходы. А слева на столе пробирки с гранулированными удобрениями, за которые он, отстаивая учение Вильямса, с таким пылом боролся против консервативных агрохимиков. Здесь же в закрытой склянке проверяется действие на зеленоглазку, нежданно оказавшуюся злейшим врагом ветвистой пшеницы.

В последнее время на креслах в кабинете, как завсегдатаи, развалились высокие саженцы самых разнообразных деревьев, а у окна расставлены прозрачные ящички с желудями и семенами гледичии, лоха, ясеня, клена. Несколько дней на столе стояло лимонное деревцо, выращенное в комнате Анной Михайловной Виноградовой, женой летчика, и привезенное сюда из города Павлова на Оке. У павловских лимонов интересное прошлое и еще более интересное будущее. Двадцать шесть больших прекрасных лимонов на одном маленьком деревце!

Трофим Денисович окружает себя всегда теми растениями, над разгадкой жизненных закономерностей которых бьется сейчас его острая, пытливая мысль. Без такой каждодневной, интимной беседы с растениями, с природой — будь то на полях или в теплицах, в комнате или на делянке — он не может обходиться. Каково же было его удивление, когда в 1938 году, став президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), он не нашел во всем прекрасном здании академии ни одного живого растения! Были папки с делами и без дел, целые архивы протоколов, стенограмм и заявлений, а растений не оказалось. Более того, академия не имела ни теплиц, ни парников, ни лабораторий, ни опытных ферм, ни опытных полей. Словно это была Академия словесных искусств, а не сельскохозяйственных наук.

Первым делом нового президента было создание опытной, экспериментальной базы научного центра.

Партия и правительство пошли навстречу ученому-революционеру. И академии, учрежденной по личной инициативе Владимира Ильича Ленина, были отданы земли в Горках, где жил и скончался великий гений человечества. Теперь здесь более чем на пятистах гектарах, среди живописнейших парков, на берегу реки Пахры, расположено хозяйство экспериментальной базы академии «Горки-Ленинские», с опытными полями больших производственных масштабов, с опытными делянками, садами, теплицами, парниками, лабораториями. Здесь развернулась работа, имеющая огромное теоретическое и практическое значение. Здесь Трофим Денисович вместе с небольшой группой соратников и учеников: академиком Д. Долгушиным, академиком А. Авакяном, Д. Филипповым, Г. Соболевым, и другими — в небывало короткий срок добился исключительных успехов. Здесь, в Горках-Ленинских, была создана новая агротехника кок-сагыза, которая, во-первых, повысила его урожайность раз в десять, а во-вторых, дала материал для того, чтобы по-новому поставить вопрос о внутривидовых и межвидовых отношениях.

Гнездовое возделывание кок-сагыза было также еще одним примером, доказывающим отсутствие внутривидовой конкуренции. Такими опытами вновь опровергалась теория, по которой буржуазные ученые стремились перенести антагонистические отношения классового, капиталистического общества на мир растений и животных, чтобы затем объявить конкуренцию законом самой природы.

В Горках-Ленинских под руководством академика Лысенко разрешается сейчас проблема ветвистой пшеницы. Призванная давать в ближайшем будущем средние урожаи по 100 центнеров (урожай сам-сто и больше), она уже в этом году будет высеяна в колхозах и совхозах Московской области на 400 гектарах.

С академиком Иваном Даниловичем Колесником в июле прошлого года мы объезжали на Украине колхозы, которым академия весной дала по 200 таких чудесных зерен ветвистой пшеницы.

Стоило остановиться в каком-нибудь селе на несколько минут или у переправы через Днепр в ожидании парома, как, увидав на ветровом стекле нашего газика несколько колосков этой пшеницы, вокруг машины немедленно собирался народ и начинался импровизированный митинг:

— Откуда пшеница?

— Який сорт?

— По личному заданию товарища Сталина над ней работает академик Лысенко, — отвечал Иван Данилович.

— Ясно, — сталинская! — раздавались голоса из окружавшей машину толпы.

— Нельзя ли получить хоть немного таких семян и для нас?

В колосе ветвистой пшеницы средний вес зерен равен пяти граммам вместо полуграмма среднего веса в обычных сортах. Решения этой проблемы уже достаточно было бы, чтобы прославить Экспериментальную базу в Горках-Ленинских на весь мир. Но это только часть ведущихся здесь многочисленных работ.

Лысенко плодотворно руководит экспериментальной работой Института генетики Академии наук. Также непосредственно по его заданиям и методике работает Сибирский институт сельского хозяйства, основная тема которого сейчас — внедрение озимой пшеницы в Сибири (посевы по стерне).

Каждодневно руководит Трофим Денисович и работами Всесоюзного института генетики и селекции в Одессе, того института, в

Здание Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина.

котором протекала его деятельность с октября 1929 и по 1938 год, сначала в качестве заведующего лабораторией по яровизации сельскохозяйственных растений, а впоследствии — директора. В Одессе Лысенко разработал основы теории стадийного развития растений. Руководствуясь этой теорией, он создал не только сорт хлопка и ряд сортов пшеницы для юга Украины, но и основы новой селекции для направленного изменения растений в самые быстрые, заранее заданные сроки. Институт теперь носит имя академика Т. Д. Лысенко.

Здесь, в Одессе, не только создавались основы теории Лысенко, но впервые осуществлялись новые методы научного исследования: ученый не замыкался в своей лаборатории, вовлекал в разрешение научных проблем колхозников, делая их как бы своими лаборантами. При таких методах работы колхозы повышают урожайность своих полей, а темп развития науки, обогащенной осмысленным огромным опытом масс, небывало ускоряется. За год решается проблема, осуществление которой в другой обстановке потребовало бы целой жизни исследователя.

Так было с яровизацией хлебов. Лаборатория по яровизации сельскохозяйственных растений стала форпостом мичуринской науки в полеводстве. В 1930 году лаборатория привлекла к опытам с яровизацией сотни колхозников. Спустя пять лет уже свыше 40 тысяч колхозов и совхозов засеяли яровизированными семенами площадь в 2 миллиона гектаров. Прибавка урожая была больше чем 100 миллионов пудов. Перед началом войны посев яровизированными семенами занимал уже более 4 миллионов гектаров.

Опытная делянка — при задании повысить урожайность проса за один 1947 год до 15 центнеров (т. е. в три, четыре, пять раз) — занимала 1 миллион гектаров, и лаборантами были 240 тысяч звеньевых!

Такого взаимодействия науки и практики Т. Д. Лысенко удается достичь еще и потому, что все свои глубочайшие теоретические построения он разрабатывает на хозяйственно-важных и ценных объектах. Каждый колхозник знает, что, претворяя в жизнь предложения народного академика, он повышает свое благосостояние.

И если одним из главных устремлений Т. Д. Лысенко всегда является забота о том, чтобы его предложение было экономически выгодно для колхоза и легко осуществимо, то в ответ он получает такое обилие фактов, материалов, опытов, миллионов пудов дополнительного урожая, которые лучше любых многотомных трактатов свидетельствуют о правоте учения, названного именем великого Мичурина и плодотворно развиваемого академиком Лысенко. Без этой связи с колхозной практикой, связи, обогащающей взаимно и колхоз и науку, немыслим Лысенко. Вот почему были покрыты бурными аплодисментами слова одного из ораторов на исторической сессии ВАСХНИЛ о том, «что подобно тому, как в Горьком наш рабочий класс увидел себя поднявшимся на самые высоты культуры, так миллионы колхозников видят в Т. Д. Лысенко себя, свой творческий порыв к переделке природы, раскрытие своих талантов в борьбе за коммунистическое изобилие».

II

Создатель травопольной системы земледелия Вильямс, борясь за материалистическое естествознание, помогающее большевикам перестраивать мир, заметил Трофима Денисовича и его работу еще тогда, когда большинство биологов занималось не столько биологией, сколько статистикой, подчас не видя за цифрами и таблицами подлинной, живой природы.

В апреле 1937 года Вильямс писал:

«Современная физиология растений и агрохимия накопили горы фактов. Но не всегда за этими грудами чисел, кривых и таблиц видно понимание существенного. Стало уже тривиальностью то положение, что в современной науке обобщение отстает от накопления фактов. Ученые XVIII столетия, хотя бы Лавуазье, Сенебье, Соссюр, Ингенгуз, имели сравнительно с нами очень мало фактов, но этот недостаток они восполняли настойчивым размышлением, обобщением, развивали в себе эту способность. Большинство ученых нашего времени свое неуменье диалектически думать и рассуждать перекрывают громадой фактических наблюдений и фактов, горами чисел и таблиц. Последние для науки важны, как воздух, но сами по себе они науку еще не делают. Это леса, с помощью которых мы строим замечательное здание науки. Да, по мере того как наука разрастается и вширь и вглубь и обогащается представлениями, законами, вести само наблюдение, опыт становится все труднее и труднее. И часто неуменье поставить вопрос, найти в нем существенное, неуменье найти правильный ответ, подменяют количеством собранных или описанных, но непонятных фактов.

Трофим Денисович Лысенко не идет по этому пути. Он знает цену факта, наблюдения. Но факт для него важен не сам по себе. Из яровизации он вырастил теорию стадийного развития. Теория эта нашла уже в социалистическом растениеводстве много чрезвычайно интересных и полезных применений. Укажу хотя бы на ускорение процесса селекции, на борьбу с вырождением картофеля на юге и другие.

Но ведь Трофим Денисович пока открыл только первые две стадии развития растений (яровизация и световая стадия). Физиология растений и тем более агрохимия еще не сделали эту теорию отправной для своих работ. Они все еще пытаются обходиться без нее. А это не выйдет. Не выйдет потому, что в идее стадийного развития вскрываются законы индивидуального, в пределах видов, развития растений».

Дарвин создал эволюционную теорию, которая вооружила человечество пониманием развития всей органической жизни на Земле, историческим пониманием основных, наиболее обобщающих законов изменчивости, отбора и наследственности. Однако состояние науки в то время не давало ему возможности объяснить, как происходят индивидуальные изменения в пределах вида, процессы создания и изменения наследственности. Без этого объяснения многое оставалось неясным. И вот этой-то неясностью и воспользовались буржуазные ученые. Одни — с той целью, чтобы открыто бороться с дарвинизмом, другие, как Вейсман, — для того, чтобы, создавая «неодарвинизм», пропагандировать механистические, идеалистические, мистические взгляды.

Теория Лысенко, основываясь на принципах диалектического материализма, дает объяснение процессам индивидуального развития и изменчивости и тем самым является новой, высшей ступенью дарвинизма. И это объяснение настолько действенно, что, пользуясь им, можно творить новые формы живой природы.

Мне вспоминается переполненный зал клуба писателей, где в прошлом году на собрании секции очерка и публицистики Трофим Денисович рассказывал литераторам о своем творческом методе. Он говорил, что анализ он всегда производит с точки зрения синтеза. И это действительно так. Вот один из примеров того, как он вел исследования ради обобщения и творчества.

До 1935 года изучением причин вырождения картофеля на юге занимались многие специалисты: селекционеры, семеноводы, агротехники, фитопатологи, вирусологи. Каждый специалист отвлекался от развития растения в целом и исследовал одну из сторон вырождения. Каждый объяснял явление посвоему. И каждый предлагал особый путь борьбы. Селекционер считал, что следует выводить невырождающиеся сорта картофеля. Семеновод искал специальные участки для выращивания семенного картофеля, исследовал приемы отбора лучших кустов. Вирусолог сводил все явления к поражению растений вирусами и разрабатывал меры борьбы с ними. И ни одному из этих специалистов не удалось найти пути, чтобы предотвратить вырождение картофеля.

Специалисты пытались слагать свои знания воедино, но обобщающего, синтетического решения они не достигли. Не достигли потому, что каждый специалист делал выводы оторванно от общих биологических закономерностей развития картофеля на юге. Синтез оказался возможным лишь при открытии этих закономерностей. Задача борьбы с вырождением была решена в 1932—1936 годах Т. Д. Лысенко методами агробиологии. Решение известно в науке под названием «летних посадок картофеля».

«При обычной весенней посадке клубнеобразование происходит летом в самую жару, вредную для данной стадии развития растения, — решил Лысенко. — Картофель надо сажать летом!»

— Помилуйте, еще хуже будет! Летом еще жарче! И где же здесь наука? — возражали ему.

— При посадке жарче, это верно, но стадия клубнеобразования будет идти значительно позднее, уже при более благоприятной температуре.

Изменив условия развития, Т. Д. Лысенко коренным образом изменил и весь характер развития картофеля. Картофель не только перестал вырождаться, он начал улучшаться. Летние посадки стали давать высокоурожайный семенной материал.

Это стало возможным потому, что Лысенко не ставил единственной целью своей научной работы найти объяснение, почему картофель на юге вырождается. Цель его была — сделать так, чтобы картофель здесь не вырождался и давал прекрасные урожаи.

Это один из многочисленных примеров творческого метода Трофима Денисовича — анализа с точки зрения синтеза.

Обращаясь к писателям, Лысенко сказал тогда, что, как ему кажется, и в области художественной литературы анализ, с точки зрения синтеза, был бы плодотворен. Этот метод приблизил бы писателей к пониманию подлинной правды социалистического общества, а без такого понимания нельзя быть социалистическим реалистом.

III

Рассматривая все явления во взаимосвязи и в развитии, следуя принципам диалектического материализма, Лысенко не только двигает вперед агробиологию, но и в самой этой науке находит новые примеры, факты, закономерности, подтверждающие правильность марксистской философии.

Никто сейчас уже не будет оспаривать того, что Лысенко является одним из крупнейших материалистов философов-естественников нашего века. Но партийна по самому своему существу не только его теория: вся его деятельность, вся его многолетняя борьба за торжество ленинско-сталинской философии в естествознании, вся его страстность, непримиримость, принципиальность — замечательный пример деятельности ученого, проникнутой подлинной партийностью. Вся его жизнь — борьба с представителями отсталых и реакционных учений, весьма часто прикрывавшимися самой революционной фразой.

«Я не любитель дискуссии ради дискуссии, — как-то воскликнул Лысенко, — я с охотой спорю только тогда, когда мне нужно разрешить насущные вопросы практики и я вижу, что теории уче-

ных тормозят, мешают разрешению этих проблем!»

Виктор Гюго в свое время писал: «Когда человек становится воплощением прогресса, то ему приходится иметь дело уже не с критикой, а с ненавистью». Лысенко стал воплощением прогресса в биологии, и ему, действительно, пришлось иметь дело не с критикой, а с ненавистью механистов, идеалистов, вейсманистов, менделистов, морганистов, виталистов, примиренцев, с ненавистью людей, которые бежали от жизни в «чистую науку», как в монастырь. Кроме доморощенных метафизиков, на него обрушились и «авторитеты мировой науки», евгеники — «человеководы», расисты всех мастей, начиная с тех, кто ставил превыше всего «чистоту» германской крови, и кончая теми, кто из вейсманистской теории выводит необходимость создания Соединенных Штатов Европы под главенством Америки.

Но не только теория Лысенко партийна, не только вся его темпераментнейшая и принципиальная борьба является образцом партийности в науке: более того, даже многие разрабатываемые им и его коллективом научные темы определены и намечены решениями партии. «Заслуги Лысенко в нашей общей борьбе за подъем социалистического сельского хозяйства всем известны» (В. М. Молотов). Не случайно в указе о присвоении Т. Д. Лысенко звания Героя Социалистического Труда сказано, что это звание дается ему за увеличение урожайности всех сельскохозяйственных культур, «в особенности картофеля и проса».

В решении февральского Пленума ЦК ВКП(б) было поручено ВАСХНИЛ разработать способ вегетативного размножения кок-сагыза. Это была труднейшая научная тема, о практическом значении которой для создания отечественной базы каучука не приходится говорить. Ныне эта проблема наукой разрешена.

В решении февральского Пленума было сказано — в укор и Министерству сельского хозяйства СССР и всей биологической науке, — что «до настоящего времени колхозы Сибири не имеют зимостойких сортов озимой пшеницы». Лысенко воспринял это как прямое задание. Ныне и эта проблема, над которой наука и практика бились безрезультатно свыше ста лет, может считаться разрешенной. Нет такого сорта озимой пшеницы, который не мог бы с успехом перезимовать в Сибири, если он посеян по стерне, по способу, разработанному Трофимом Денисовичем Лысенко. Озимые в Сибири — это означает, что при том же количестве людей и машин, какие сейчас имеются в наличии, можно будет обрабатывать вдвое больше земли и, следовательно, получить зерна вдвое больше, чем до сих пор. Но и это не исчерпывает научного и практического значения темы «Озимые в Сибири».

Опровергая своими действиями теории жрецов «чистой науки», боящихся снизиться до разрешения тем, диктуемых практической жизнью, борясь каждый раз за выполнение той или иной проблемы, зафиксированной в партийном решении, Лысенко открывал новые закономерности в природе. Решая практические задачи, он двигал вперед теорию.

— Подай ладонь свою смелее
Певцу любви и красоты!
Его поздравить с юбилеем
Я не смогу, но сможешь ты.

Певец прокладывал дорогу
Для всех писателей страны.
И погляди: их стало много!
Они сильны и сплочены!

Растут певцы Отчизны нашей!
Цветет искусство наших дней!
Оно становится все краше,
До всех доходчивей, ясней.

Романом, пьесой, звонкой песней
Оно прославит, жизнь любя,
Наш большевистский мир чудесный,
А значит, друг мой, и тебя.

24 октября 1948 года было обнародовано решение партии и правительства о великом наступлении на засуху, о полезащитных полосах и внедрении травопольного земледелия. В этом решении, осуществление которого рассчитано на 15 лет, был один пункт, срок выполнения которого измерялся всего только двумя месяцами. ВАСХНИЛ предлагалось в двухмесячный срок разработать методику гнездового посева леса. Изыскивая этот способ, академик Лысенко проанализировал всю вековую историю неудач лесоразведения в степи и пришел к открытиям, которые дали возможность предложить новаторскую агротехнику лесопосадок. Лес надо не сажать, а сеять, и сеять гнездами. Это требует гораздо меньше труда, экономически доступно любому колхозу, неизмеримо удешевляет лесонасаждения, и, главное, только эта агротехника дает уверенность в успехе лесоразведения в степи.

Один из пунктов великого плана наступления на засуху, пункт двадцать шестой, был выполнен на месяц раньше указанного времени.

IV

Февраль 1935 года. Второй всесоюзный съезд колхозников-ударников. Зал Кремлевского дворца переполнен передовыми колхозниками, прибывшими сюда со всех концов нашей Родины. Смесь наречий, племен, костюмов и вдохновляющее всех единодушие, единство, единомыслие, когда дело касается коренных вопросов колхозной жизни. В президиуме рядом с колхозниками товарищ Сталин. И вот 13 февраля вечером на трибуну подымается молодой ученый из Одессы. Он говорит о победах передовой науки на колхозных полях. Он рассказывает колхозникам о своих научных разногласиях с морганистами, заполнявшими тогда все вузы.

— Я уверен, — говорит он, — что я чрезвычайно плохо изложил здесь вам затронутые мною вопросы генетики и селекции. Я не оратор. Если вчера Демьян Бедный сказал, что он не оратор, а писатель, то я не оратор и не писатель, я только яровизатор и поэтому не сумел вам это дело просто объяснить!

И здесь речь ученого прервала реплика из президиума:

— Браво, товарищ Лысенко, браво!

Это был голос Сталина.

Сталин одобрял работу и взгляды Лысенко по самому их существу. И реплика вождя была покрыта шумными аплодисментами зала.

Если в борьбе против Лысенко были мобилизованы авторитеты буржуазной «мировой науки», все эти Меллеры, Хаксли, Харланды, Дарлингтоны, Саксы, Эшби, то, с другой стороны, он все время, и в самые трудные для него времена, ощущал действенную поддержку партии и лично товарища Сталина. И с того февральского вечернего заседания в 1935 году на съезде колхозников-ударников пролегла единая линия до того солнечного, августовского утра 1948 года, когда, взойдя на трибуну исторической сессии академии, Лысенко сказал в своем заключительном слове: «Меня в одной из записок спрашивают, каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его!»

Наша биологическая наука стала подлинно марксистской. Она уже находится на той ступени роста, когда, не довольствуясь одним только объяснением природы, наука становится орудием ее переделки. Влияние мичуринской науки, теорий Лысенко, заметно за рубежами нашей Родины.

Полные стенографические отчеты заседаний сессии издаются во многих странах, и всюду среди ученых возникают дискуссии. Во Франции дискуссия уже перешла на страницы широкой прессы. Против реакционных биологов, в защиту мичуринского учения, выступают ученые Конье, Марсель Пренан, Шампенуа. Революционный писатель Луи Арагон в журнале «Европа» выступил с большой, остроумной, страстной статьей.

Бессильную злобу изливает по американскому радио друг Моргана профессор Меллер, некогда заявлявший, что морганизм так же невозможно опровергнуть, как невозможно доказать, что Солнце вращается вокруг Земли. Своими клеветническими речами он пытается скрыть поражение морганизма.

Еще задолго до исторической сессии известный английский биолог Дж. Л. Файф писал о Лысенко: «Вначале, насколько я могу судить, большинство ученых одинаково реагировало на все идеи. Реакция их была неизменно враждебна. Однако в настоящее время яровизация озимых зерновых принята повсеместно, и единственный остаток прежней враждебной позиции выражается фразой: «Мы всегда это знали». Теория стадийного развития быстро приобретает популярность, как полезный способ анализа процессов развития растений, особенно применимый в селекции растений. Если бы даже Лысенко не пошел дальше этого, его имя стало бы известным среди селекционеров и физиологов всех стран благодаря этим важным вкладам в науку».

Однако, как мы видели, Лысенко пошел значительно дальше.

И, находясь в расцвете своих творческих сил, он и впредь будет идти вперед, развивая и углубляя мичуринскую биологию — эту подлинную науку изобилия.

ДВА ТОСТА

Фельетон

Е. СЕРГЕЕВ

Рисунки А. Каневского

...Несколько дней назад позвонил мне в редакцию Гриша Кудрин, и между нами произошел следующий разговор, который я воспроизвожу с возможной точностью:

— Привет, старина! Как ты там, шуршишь бумагой? Говорит Гриша! Не узнаешь, что ли?

— Какой Гриша? Десятипудовый соня с капустной котлеткой в зубах?

— Врешь, бумагомаратель. Григорий Кудрин — стройный и привлекательный мужчина средних лет. Обещай снова встречать Новый год у меня, и ты воочию убедишься в этом... Что молчишь?

— Щиплю себя за нос. Я, кажется, сплю.

— Чушь! — загремел в трубке энергичный порывистый бас. — Ты не спишь. И я не дам тебе спать всю новогоднюю ночь. А утром я повезу тебя в Сокольники. По морозцу на лыжах побегаем. Хорошо!

Голос в трубке звучал уверенно и правдиво. Нет, я не спал.

Жгучее любопытство заставило меня отказаться от билета на премьеру в театр и в тот же вечер помчаться по знакомому адресу.

По пути я вспоминал о нашей прошлогодней встрече. Дело было так.

Истекали последние часы 1947 года, когда я, вырвавшись наконец из прокуренной редакции, медленно побрел по улице Горького, размышляя, куда бы это направить свои стопы, в чьей бы семейной гавани бросить якорь. И вдруг меня озарила мысль: поеду-ка я к старому приятелю Григорию Кудрину. Правда, в последний раз встречались мы с ним еще перед войной, но когда-то, в дни, увы, уже далекой теперь юности, работали за соседними станками, были токарями, лихими рубаками в «легкой кавалерии», делили пополам последнюю папиросу и к концу ночной смены, когда чертовски хотелось спать, мечтали под шум моторов обо всем на свете.

Конечно, оба мы с тех пор изменились. Мой друг учился, стал инженером. Из Гриши превратился в уважаемого Григория Степановича, директора машиностроительного завода. И, судя по газетам, в неплохого директора, так как о делах его завода нет-нет да печатались весьма приятные статьи.

Верно говорят: старая спайка не ржавеет. Встретил меня приятель радостно.

— Ты ли это, чернильная душа!—тяжело пробасил он, заключая меня в объятия и тщетно пытаясь расцеловать, чему мешал его ошеломляющий живот. — Не стареешь! Все такой же поджарый и кудрявый!

— Чего нельзя сказать о тебе,— вынужден был ответить ему я. — Эка тебя разнесло! В чем дело: водянка, слоновая болезнь, порок сердца?

Гриша силился улыбнуться, но улыбка бесследно утонула в его пухлых щеках, растворилась в них.

— А ты все такая же язва, как и был,— промолвил он наконец, опускаясь в кресло.— Увидел солидного хозяйственника и сразу пустился в экскурсии по медицине... Никакой, брат, медицины. Просто правильный образ жизни. Покой. План выполняю из месяца в месяц. С качеством не подвожу. Спать могу крепко: дело делаю, совесть перед народом чиста. Понятно?.. И хорошо, что ты, брат, пришел. Ко мне тут сегодня заводские люди собираются. Неплохой народ. Вроде меня. Вот познакомлю... Кстати, посоветуй-ка, какой мне тост произнести? А?

— Обычно в таких случаях говорят: «С Новым годом, с новыми успехами!» или что-нибудь этакое в том же роде,— небрежно ответил я, с удовольствием оглядывая хорошо сервированный стол, ломящийся от вин и закусок.

— Вот-вот, с успехами—это верно. Это и я думаю. Именно с успехами. Все у нас в порядке. План выполнили в срок, задание на ближайший год выговорили вполне приличное. Дотацию в три миллиона рублей нам дали. Работать можно. С успехами — это я скажу, а что бы это еще такое зажигательное завернуть? А?

— А что тут думать? Чудак! Выпьешь рюмку, другую — вмиг Цицероном станешь.

Лицо моего друга вдруг стало печальным, что очень не шло к его объемам и румяным щекам.

— Хорошо тебе говорить—выпьешь. Мне, брат, это запрещено. Ожирение. Подадут омлет, капустные котлетки,— он уныло махнул рукой, но, заметив на моем лице тень разочарования, поспешил успокоить: — Котлеты капустные, чорт бы их побрал, это вас не касается, это мне. А вам, счастливцам, такой ужин, что только— ах! Всю премию в это дело пустил. Не жалею.

Ровно в двенадцать часов, когда многочисленные гости наполнили рюмки и подготовили соответствующую закуску, мой друг брезгливо плеснул в бокал нарзан и с трудом вынул свое дородное тело из кресла.

— С Новым годом,— сказал он, отдуваясь и без особого энтузиазма вздымая бокал ввысь. — С новыми, как бишь... планомерными успехами... И вообще, чтобы работать благополучно, тихо, спокойно, чтоб никаких чрезвычайных забот и тревог...

Под утро мы нестройно, но весьма усердно бросали «персидскую княжну в набежавшую волну». А друг мой, хозяин дома, откатив свое кресло в угол, сладко дремал и даже время от времени всхрапывал. Его привыкший к покою организм не вынес бурного веселья.

* * *

...Я застал приятеля за примеркой нового костюма. Гриша был так увлечен этим занятием, что не сразу заметил мое появление и продолжал разговаривать сам с собой.

— Недурно, Григорий Степанович, — бормотал он, подмигивая себе в зеркало.— Вместо розовых подушек у вас появились настоящие мужские щеки, чорт возьми! Поздравляю. Очень приятно, дорогой товарищ, очень.

— И не только тебе приятно, Аполлон Бельведерович, — подал я наконец голос.— Но каким чудом ты перестал быть толстяком!

— А, старина, очень рад!..

Гриша быстро подошел ко мне и так хлопнул по плечу, что я даже покачнулся. Он действительно неузнаваемо изменился. Глаза друга были полны энергии. Поджарую его фигуру ловко охватывал пиджак. От удивления я даже начал его ощупывать.

— Нет, брат, все честно,— рассмеялся Гриша. — Шестьдесят восемь килограммов при росте сто семьдесят сантиметров. Чудесный вес! Не только такие вот дилетанты, как ты, удивляются, но и врачи призадумались. Однако секрета не храню. Слушай!

Я опустился на стул и превратился в вопросительный знак.

— Ты помнишь мой, мягко говоря, глуповатый тост: «Чтобы все было благополучно и спокойно». Признаюсь, у меня до сих пор уши горят от этого безмятежного самодовольства. К счастью, жизнь активно вмешалась в мои настроения и внесла свои поправки.

Рассказывая, Гриша шагал из угла в угол, и паркет поскрипывал от его твердой мужской поступи.

— ...В один прекрасный день мне сообщили из министерства о сокращении дотации для нашего завода. Я ахнул, попытался спорить. Увы!.. То есть я теперь говорю: слава богу. Пришлось быстро перестраиваться, как следует поработать, и через три месяца уже живем на самоокупаемости. Только было я перестал сбавлять в весе, как вдруг новая директива — 2 миллиона экономии! Опять ахнул. С самим министром спорил, но ничего не попишешь — надо выполнять. Запер я свой кабинет, ключ сунул в карман, пошел по цехам. Хожу день, другой, неделю. Вижу: есть резервы! Токарям посоветовал быстрее станки запускать, сборщикам внутрибригадный хозрасчет наладил. Один у другого опыт перенимает — чувствую, дело идет к прибылям...

— И ты снова начал толстеть?

— Не тут-то было. Уехал я на неделю в Ленинград. Проверил наши заказы, поторговался со смежниками о себестоимости, возвращаюсь, а секретарь парткома мне и сообщает: «Тут без тебя коллектив внес маленькую поправку в наши планы: обязался за год сберечь еще три миллиона. Имей в виду, заместители твои не возражали». В третий и последний раз ахнул я. «Ну,— говорю,—братцы, пустили по миру. С этаким делом и трое директоров вместе не справятся». А секретарь мне и отвечает: «Ничего, Григорий Степанович, коллектив поможет, народ захочет — гору свернет».

Тут я всерьез задумался: с какой стороны мне к этим миллионам подступиться? Но думай, не думай, а волю коллектива выполняй! Вижу, знаний маловато. Поступил на вечернее отделение планово-финансового института. Регламентировать работу по минутам пришлось. О заседаниях с длинными словопрениями и чаепитиями запретил даже и упоминать. Создал на заводе стахановский совет. Таким Плюшкиным стал, ты не поверишь! Замечу где в цехе гвоздик на полу или шайбочку там какую — чрезвычайным происшествием называю. И так мы хорошо поработали в этом году, что уже к 6 декабря преподнесли государству эти пять миллионов, как одну копеечку. Преподнесли и новое обязательство по экономии приняли. Больше прошлогоднего. Только теперь уже я не ахаю. Разумнился.

— Орел! — вскочил я со стула.— Это же великолепный материал для новогоднего фельетона!..

— Который начнется чарующей фразой: «С большим подъемом трудится коллектив завода, где директором тов. Кудрин». Верно ведь? Или обойдешься без дотации из богатых фондов газетных штампов? Давай-ка мы лучше вместе встретим Новый год. Выпьем горилки, закусим как следует, споем «Из-за острова на стрежень», а я, пожалуй, и гопак попробую изобразить. Народ у меня соберется тот же. Да еще троих изобретателей пригласил. Да нескольких рационализаторов. Да еще бухгалтера. Ох, зверь! Копейку зубами держит. Башковитые ребята — здорово помогают.

— Какой же тост ты нам произнесешь, худощавый директор? Поделись заранее, если не секрет.

— Да уж у тебя совета просить не стану. Скажу я одно: «Да здравствует творческая и беспокойная, полная борьбы наша советская жизнь!»

МЫ ИХ УВИДЕЛИ В СОРОК ВОСЬМОМ...

Начало года всегда нам кажется гранью между вчерашним и завтрашним днем. И так уж повелось, что в новогодний вечер особенно хорошо мечтается.

О чем же в этот вечер мечтать советскому зрителю как не о новом расцвете нашего чудесного советского театра? Какие же воспоминания вызывать в памяти, как не свежие еще впечатления о родившихся в прошедшем году дарованиях мастеров сцены?

А впечатления эти не только свежие, но и волнующие. Год 1948-й открыл новые имена молодых одаренных актеров и актрис, особенно актрис. В этой плеяде — Т. Махова, И. Киселева, Велта Лине, В. Сошальский, Н. Мамаева, Л. Пушкарева, Ю. Любимов, о которых мы сегодня и расскажем.

Талант

Дебют Татьяны Маховой состоялся в Московском театре драмы и комедии в спектакле «Дворянское гнездо». Молодая актриса сыграла Лизу Калитину.

Когда думаешь об исполнении Маховой роли Лизы, невольно приходят на ум слова: глубина, искренность, естественность.

Глубина проникновения актрисы в образ поразительна. Ни секунды демонстративного изображения роли — все время жизнь. На сцене Лиза такая, какой мы ее знаем по роману Тургенева: «Бледное, свежее лицо, глаза и губы такие серьезные, и взгляд честный и невинный... Рост славный, и так легко ходит, и голос тихий...» При всем этом приковывающая внимание необычайная внутренняя значительность, за которой угадывается душевная красота простой, безыскусной русской девушки.

Все, что делает Махова в своей роли, предельно искренне, а потому увлекательно. Малейшее ее движение нельзя не заметить: в нем ощущаешь отражение затаенных мыслей и чувствований героини спектакля. Непрестанно и напряженно следишь за ней с тревогой, с участием: как она, что с ней?

Расцветает любовь Лизы к Лаврецкому — и Махова столь выразительна в передаче ее робких порывов, что ими нельзя не восхититься. Пришло на день счастье — Лиза играет и поет, поет, с точки зрения музыканта, далеко не совершенно, но пение это не может не найти отзвука в сердце зрителя, потому что в нем непосредственность искреннего чувства, радость надежды, бурно вскипающей в груди Лизы...

А потом, когда приезжает сочтенная умершей жена Лаврецкого, шумная и пошлая, и Лиза, напрягая все свои душевные силы, призывает себя к самообладанию, ни на кого не смотришь на сцене, потому что понимаешь: все другие — это актеры, играющие свои роли, а она — живой человек, она — правда. У нее почти нет слов, она почти неподвижна; лишь еле уловимое дрожание губ и полное страдания выражение глаз говорят, и говорят так много, что реплики и действия других актеров воспринимаешь будто прошедшими через сознание Лизы.

Нельзя сказать, что роль Маховой «мастерски сделана». Потом, много дней спустя после спектакля, вновь оценивая виденное, начинаешь догадываться, что мастерства в обычном его понимании у актрисы еще нет. Зато есть большее — талант.

Считается непедагогичным неумеренно хвалить начинающего актера. Возникают опасения, что высокая, хотя бы и заслуженная похвала вызовет самоуспокоенность, актер перестанет совершенствоваться.

Но вот слово «талант» уже произнесено, и хочется выразить уверенность, что в этом не придется раскаиваться. Талант обязывает, и дебют Маховой показал, что она это знает.

Пожелаем же молодой, талантливой актрисе счастливого Нового года, крупных художественных успехов в 1949-м!

Т. Махова в роли Лизы Калитиной. «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева в Московском театре драмы и комедии.
Фото С. Шингарева

Счастливое начало

В Театре имени Ермоловой объявлен новый прием во вспомогательный состав по открытому конкурсу. Каждый желающий может испытать свои силы. Легко сказать! Но, вероятно, надо иметь хоть какое-нибудь театральное образование, хоть какое-нибудь представление о труде актера! А у Изетты ничего, кроме любви к театру, ничего, кроме уверенности, что труд артиста самый интересный.

И вот двадцатилетняя Изетта Киселева предстает перед комиссией по приему. Что ее привело сюда, ее, бывшую ученицу ателье мод, не имеющую никакого понятия о сцене! Она читает басню, затем стихи и снова басню... И для членов комиссии ясно: перед ними многообещающая будущая актриса!

Всего только год назад, в 1947 году, Изетта Григорьевна Киселева стала артисткой вспомогательного состава Театра имени Ермоловой. Но через год о Киселевой уже заговорила театральная печать.

Счастливое начало жизни в искусстве! Конечно, весь этот год был годом учения. Киселева не пропускала ни одной репетиции. Она имела возможность наблюдать работу с актерами такого превосходного режиссера, как А. Лобанов, учиться на опыте отличных актеров ермоловского театра. Иногда Киселеву выпускали на сцену без слов: она участвовала в массовках, бывала статисткой в незначительных эпизодах...

Но вот театр готовит «Счастье» по роману П. Павленко, и происходит то, о чем она даже не смела мечтать: никому неведомой, молодой актрисе дают большую и сложную роль в спектакле.

Киселева поняла: ей предстоит не только показать молодую женщину, полюбившую Воропаева, не только изобразить силу, ясность и чистоту любви, передать не только стремление женщины к счастью, но нечто еще более трудное и глубокое... И Лена Журина в исполнении молодой Киселевой пленила зрителей и поэтическим изображением чувства любви к Воропаеву, и вместе с тем чудесным выражением душевной красоты, благородства, с которым Лена прощается с Воропаевым и признает за Горевой право на счастье с ним.

И. Киселева в роли Журиной в спектакле «Счастье» П. Павленко и С. Радзинского в Московском театре имени Ермоловой.
Фото А. Горнштейна

Конечно, ей тяжело, и зрителю грустно за Лену. Но в том и победа Журиной-Киселевой, что во внутреннем примирении Лены нет и следа ущемленности, сломленности, надрыва. Советская женщина, способная чувствовать так глубоко и ясно, как чувствует в изображении Киселевой Лена, не может быть в жизни несчастлива. Мы верим, что и ее путь ведет к счастью. Тому порукой ее душевная честность и красота, так хорошо переданные Киселевой.

Киселевой надо еще много учиться, чтобы стать мастером сцены.

Новая роль, которую сыграет И. Г. Киселева, покажет, поняла ли молодая актриса, к чему обязало ее счастливое начало. Ведь в искусстве успех художника не только дает права, но и в еще большей степени обязывает...

Велта Лине — Негина. «Таланты и поклонники» А. Н. Островского в Рижском театре драмы Латвийской ССР.
Фото А. Гостева

Две роли Велты Лине

Еще недавно имя Велты Лине было мало известно даже постоянным посетителям Рижского театра драмы Латвийской ССР, на сцене которого дебютировала молодая актриса. Ее дарование не относится к числу таких, которые с первых же встреч обращают на себя внимание публики ярким драматизмом, пылким темпераментом. Ее талант лирический, ясный, чистый, талант богатый, но не сразу выдающий себя.

Год 1948-й был для Велты Лине годом признания. В пьесе Арвида Григулиса «Глина и фарфор» Велта Лине сыграла роль художницы Кайве. При первом появлении Кайве на сцене она вызывает только известное любопытство. Привлекают ее большие, прекрасные глаза, тонкие черты одухотворенного лица, мягкость, скромность. Но вскоре мы уже не сводим глаз с Кайве-Лине.

Она увлечена своей профессией. Кажется, что в маленький мир ее своеобразного творчества не проникает дыхание новой жизни, открывшей латышскому народу счастливые перспективы созидания и расцвета. Но в жизнь Кайве входит любовь, а вместе с любовью — стремление быть полезной всему народу, дать ему искусство, которое поможет в труде, украсит быт, наполнит радостью сердца многих и многих людей.

Внучка старого глазировщика, Кайве постепенно осознает, что хозяином всех ценностей на земле — в том числе и ценностей искусства — является народ. Только в неразрывной связи с массами может возникнуть подлинное искусство.

Велта Лине очень тонко и уверенно провела эту сложную роль, которая была ей близка, ибо сама актриса сумела понять всю силу творчества, слитного с интересами народа. Ее игра в спектакле «Глина и фарфор» радует свежей непосредственностью, искренностью и естественностью. Вместе с другими участниками спектакля Велта Лине удостоена Сталинской премии.

«Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это — грация», — заметил Чехов в одном из писем Горькому. Вот свойство, несомненно, присущее молодому дарованию Велты Лине.

Недавно она с большим успехом исполнила роль Негиной в «Талантах и поклонниках» А. Н. Островского. В ее рисунке нет ничего излишнего, ничего надуманного. За тихими, мягкими интонациями Негиной—Велты Лине — слышится огромная душевная боль. Весь ее строгий, спокойный, светлый, словно акварелью написанный образ говорит о глубокой драме женщины, не сумевшей найти свое счастье в купеческом мире, вынужденной ради искусства поступиться любовью.

Победа молодости

Проникнув в склеп, где лежит в открытом гробу заснувшая Джульетта, Ромео выпивает яд и падает у постамента, цепляясь за него рукой и как бы стремясь приблизиться к любимой. Джульетта, увидев мертвого Ромео, закалывает себя кинжалом. Падая, она едва касается тела Ромео, рука которого, как бы непроизвольно спадая вниз, соединяется с ее рукой в последнем, нерушимом рукопожатии...

Так образно, пластично досказывает Ленинградский театр юного зрителя повесть о Ромео и Джульетте, и эта безмолвная сцена полна глубокого, обобщающего смысла.

Весь спектакль Ленинградского ТЮЗ, поставленный режиссером П. К. Вейсбремом, звучит как песнь торжествующей, смотрящей в будущее любви, любви сильной, ясной, молодой.

Особую привлекательность спектаклю придает то, что юность в нем торжествует не только по ходу трагедии, но и по смыслу самой сценической истории спектакля. Постановка — также торжество молодых актеров театра, начинающих ролями Ромео и Джульетты свои актерские биографии.

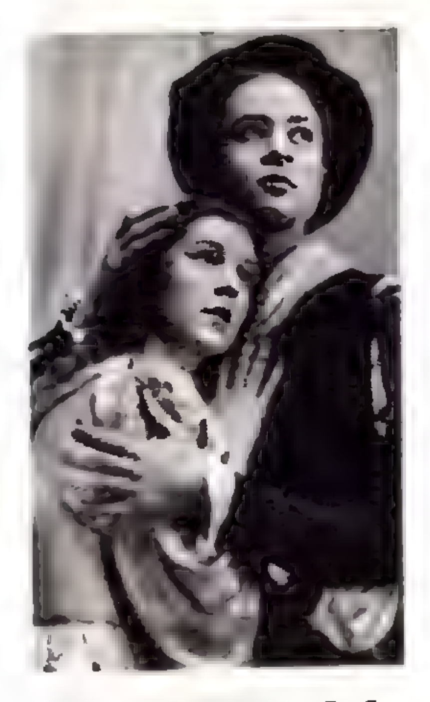
В роли Ромео выступает восемнадцатилетний Владимир Сошальский. Премьера шекспировской трагедии совпала для него с дипломными спектаклями студии Ленинградского ТЮЗ, где Сошальский с успехом сыграл роль «без вины виноватого» Незнамова в драме Островского. Ромео — его первая роль, уже как актера. Игра Сошальского увлекает зрителя неподдельным воодушевлением первой любви, любви не столько юноши, сколько подростка, впервые узнавшего это чувство и зачарованно, восхищенным взглядом смотрящего на мир. Не все стороны образа еще удаются молодому, обладающему благодарнейшими данными, актеру, и тем не менее от спектакля к спектаклю все сильнее и выразительнее звучат в его устах слова Ромео, говорящие о глубине и остроте кипучей мысли, а не об одной лишь пламенной горячности чувства героя. С болью воспринимает зритель бессмысленную гибель юноши, падающего жертвой «жестокого века».

На премьере партнершей Сошальского была одна из наиболее талантливых молодых актрис театра — Л. Жукова.

Но недаром, видно, Ленинградский ТЮЗ, подаривший в свое время «взрослым» театрам таких актеров, как Н. Черкасов, Б. Чирков, Б. Блинов, В. Полицеймако и другие, считается подлинной школой молодых артистических дарований. Прошло всего несколько дней после премьеры, и театр показал еще одну Джульетту, не уступающую первой, хотя еще более юную по сценическому возрасту. Это Нина Мамаева, памятная всем, кто присутствовал на последнем туре Всероссийского смотра молодых актеров, по обаятельному исполнению роли Любови Торцовой в пьесе Островского «Бедность не порок». Джульетта — всего лишь третья роль в «послужном актерском списке» Мамаевой.

С настоящим лиризмом трогательно и драматично показывает юная актриса, как наивная, на первый взгляд простенькая девочка Джульетта превращается в смелую, деятельную девушку, самоотверженно борющуюся за свою любовь, за свое счастье, за свою не только девичью, но прежде всего человеческую честь, за человеческое достоинство.

Судьба Ромео и Джульетты, мужественных и бесстрашных в своей любви — дружбе, предпочитавших умереть, но не изменить верности, раскрывается молодыми актерами воодушевленно и солнечно.

Н. Мамаева—Джульетта и В. Сошальский—Ромео в спектакле «Ромео и Джульетта» В. Шекспира в Ленинградском театре юного зрителя.
Фото Д. Трахтенберга

Воскресение

Она смотрела на Нехлюдова своими доверчивыми, широко раскрытыми, черными, блестящими глазами, и Нехлюдов не выдержал этого взгляда, закрыл лицо. Перед ним была та самая Катюша, прелестная девушка, воспитанница его тетушек, которую он когда-то соблазнил и бросил. Ничто не изменилось в Масловой за эти десять лет. Сквозь грязь и дикость окружающей ее обстановки она сумела пронести чистоту чувства, горячность сердца, благородство души.

Катюша Маслова в исполнении Любови Пушкаревой — это поистине «одна из самых нравственных натур», как говорит о ней в романе политическая ссыльная Мария Павловна, нравственных и глубоко, страстно любящих.

Спектакль «Воскресение» в МХАТ с молодой актрисой Любовью Пушкаревой в роли Катюши — это спектакль о воскресении большой, светлой женской души.

С первых же слов на суде зритель не сомневается в непричастности Катюши к совершенному преступлению. Нет, эта женщина с мягким, ласковым голосом, с чистым, добрым взглядом, так искренне, просто рассказывающая о случившемся, не может лгать.

Это доверие, расположение, которые вызывает к себе Катюша-Пушкарева с первого ее появле-

Л. Пушкарева в роли Катюши Масловой. «Воскресение» Л. Толстого в Московском Художественном академическом театре.
Фото А. Горнштейна

ния на сцене, ни минуту не колеблются. Зритель видит, что вся ее вульгарность, пошлость—лишь наслоение, налет, который наложила на Катюшу горькая, грязная жизнь.

С первой встречи с Нехлюдовым прежняя Катюша оживает в ней. «Она опять любит его той же любовью, какой любила его все эти десять лет, с первого дня их встречи». И эта любовь помогает Катюше очиститься от скверны, по-новому увидеть свое прошлое, найти смысл жизни. Все богатство души, горячность чувств, нерастраченную любовь Катюша-Пушкарева отдает страдающим людям.

Портрет героя

— Я буду играть Кошевого!

Трудно сказать, когда эта мысль родилась у молодого артиста Ю. Любимова. Возможно, впервые она пронеслась в его сознании еще тогда, когда слава о подвиге героев краснодонского подполья впервые слетела с газетных листов и зажгла волнением умы и сердца всех советских людей. А вернее всего, решение было принято, когда он прочел книгу А. Фадеева «Молодая гвардия».

Мечта актера стала осуществимой, когда Театр имени Вахтангова начал работать над сценическим вариантом замечательного романа. Указания партийной критики дали юному артисту понимание масштабов задачи, взятой им на себя. Воссоздать на подмостках сцены образ героя, которому навеки отдана всенародная любовь, — это ли не самый почетный долг советского художника?

Зрители Москвы смогли оценить талант артиста и плоды его напряженного труда. В спектакле Театра имени Вахтангова «Молодая гвардия» Ю. Любимов исполнил роль Кошевого.

Счастливая, ясная молодость была у его героя. Кипучие жизненные силы чувствуются в Олеге Кошевом, каким сыграл его Любимов. Руководя подпольной организацией и каждодневно рискуя собой, народный мститель Олег Кошевой сохраняет неистребимую жизнерадостность, уверенность в победе. Воля мужественного борца удивительно органично сливается в этом сценическом портрете с непосредственностью, с чистотой и энтузиазмом трагической, но прекрасной юности. Лучистые глаза, открытая улыбка, порывистые движения подростка и вместе с тем поразительная серьезность, спокойная собранность руководителя борьбы, уверенного исполнителя воли партии, воли народа — таков Олег Кошевой в талантливом изображении Любимова. Этот юноша — олицетворение героизма целого поколения, выпестованного партией большевиков.

Бодрый, несокрушимый дух энергичной, победоносной молодости заключен в Олеге. Он проявляется во всем: и в радостной вечеринке праздничного дня, когда за ставнями дома Кошевых Олег вполголоса запевает знакомую песню, пускается в пляс с Любкой Шевцовой и затем в сосредоточенном внимании, с восторгом в глазах повторяет долетающие из эфира слова вождя. Душевная чистота Олега, его сила с равной отчетливостью раскрываются перед нами и в ту минуту, когда он бросается на тупого гитлеровского солдата и когда он ликует, увидев вывешенные над городом по его приказу красные флаги.

В финале спектакля Олег в центре группы молодогвардейцев, ожидающих казни. Измученный пытками Кошевой воодушевляет своих друзей. Не дрогнув, с песней идет он на смерть. И этой песне вторят грозные раскаты артиллерийской канонады — армия возмездия и свободы приближается к городу. Луч прожектора, освещающий группу молодогвардейцев, становится все тоньше — и вот он вырывает из толпы одно только мужественное, открытое лицо Олега Кошевого. Взгляд его, кажется нам, устремлен к Москве, к Сталину.

Взрыв аплодисментов переполненного зала награждает молодого артиста за его замечательную игру.

Ю. Любимов — Олег Кошевой. «Молодая гвардия» А. Фадеева и Г. Гракова в Государственном театре имени Евгения Вахтангова.
Фото С. Шингарева

— Двенадцать бьет! Пора проститься.
Спасибо, Год Сорок Восьмой!
Страна Советская гордится
Твоей работой боевой.

Ты шел вперед без колебаний,
Осуществляя до конца
Величье сталинских заданий,
Зажегших пламенем сердца.

Старик, спасибо! Будь спокоен!
Вперед строительство ведя,
Клянусь, что буду я достоин
Похвал великого вождя!

...Итак, двенадцать. Полным ходом
Вперед повсюду и всегда!
С великим счастьем! С Новым годом,
Страна победного труда!

Привет тебе, моя столица!
Привет тебе, родной народ!
Мы будем петь и веселиться,
Встречая вместе Новый год.

А раньше всех сигнал привета,
Уверен я, к тому дойдет,
Кто раньше всех страницу эту
Сегодня где-нибудь прочтет.

Ему привет мой первый отдан!
Любовь к нему всегда крепка.
Я поздравляю с Новым годом
Тебя, читатель «Огонька»!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

«РУКИ»

Басня С. Михалкова

1. — Я правая рука. Во мне вся мощь и сила... Я ставлю подписи и потому нужней.

— Прекрасно, — левая с обидой возразила. — Но что б ты делала без помощи моей?..

2. — Я больше на виду. Я голосую за.
— Я руки жму чинам, — ей правая сказала...

3. А мы заметим, спор напрасным был...
Заведуя какими-то ларьками,
Хозяин рук рукою руку мыл

4. И брал, где мог, обеими руками.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

С. ДРЕЙДЕН

«25 лет назад куклы были для меня только случайной забавой, увлечением, — рассказывает Сергей Владимирович Образцов. — Сейчас это больше чем увлечение и больше чем профессия. Теперь я не только верю в силу этого искусства, но и знаю эту силу, как знает силу чисел математик и силу слова поэт. Для меня театр кукол — это неотрывная часть огромного целого, равноправный член в семье искусств, имеющий свою цель, свои задачи, свои, только ему принадлежащие театральные свойства, рожденные изобразительной силой кукол, их особой силой обобщения. Куклы обладают удивительной силой воздействия, чудесной способностью быть и предельно лиричными и бесконечно смешными. В их власти дать увлекательную сценическую жизнь и народной фантастической сказке, и злому сатирическому памфлету, романтической лирике и подлинному юмору, смеху, что так же необходимо людям, как дыхание».

Эти мысли Образцова наглядно подтверждаются спектаклями созданного и руководимого им Центрального театра кукол, центрального по тому большому, неоспоримому авторитету, которым пользуется этот театр и среди многонационального содружества советских кукольников и далеко за рубежами нашей страны.

Куда бы вы ни попадали по воле превосходного творческого коллектива, возглавляемого Образцовым, — в сказочную страну Алладина или в забавно чудесный мир «Ночи под рождество», в джунгли «Маугли» или на пародийный «Обыкновенный концерт», — вы почти сразу узнаете «руку» Образцова, его лукавый юмор, его живую наблюдательность, размах поэтической фантазии, артистическое очарование...

За последние годы мы все реже видим Образцова на эстраде. Он почти полностью «растворился» в спектаклях своего театра, отдавая ему все больше сил, фантазии, повседневного труда. Начав свой «кукольный путь» как эстрадный исполнитель, как самобытный и самостоятельный актер с куклой, он охотно передает идеи, которые могли бы позволить ему создать «единоличный» эстрадный номер, творческому коллективу своего театра. Это потому, что для Образцова его «я» в искусстве — это не он, персонально, Сергей Образцов, его личный успех, его индивидуальная слава, а жанр в целом, судьба и успехи жанра, древнего и вечно молодого искусства играющих кукол.

Для Образцова искусство — это оружие, оружие в общей борьбе за мир и демократию, как недавно он ярко напомнил об этом в блестящей публицистической статье — страстном отклике на выступление английского режиссера Майкла Уэна, провозглашавшего примат аполитичности, безидейности искусства.

Наибольшей силы воздействия, заостренности своего «искусства-оружия» Образцов достигает, когда выходит из сферы внутритеатральных тем и, не ограничиваясь блистательной, но все же тематически ограниченной борьбой с «сорняками искусства», наиболее ярко выраженной в «Обыкновенном концерте», вступает на широкий путь политической, бытовой сатиры. Достаточно напомнить об убийственных сатирических портретах горе-«докладчиков» и пробавляющегося своей унылой «романтикой» пьяницы.

Используя излюбленный прием контраста, Образцов в годы войны вызывал бурный отклик слушателей-зрителей, исполняя в новом кукольном обличье романс Канио из «Паяцев» Леонковалло. Ни слова не изменив в романсе («Смейся, паяц...»), Образцов вкладывал его в уста Муссолини. Получился блистательный политический памфлет, красноречиво предсказывавший бесславный конец фашистского «дуче».

К сожалению, номера такого плана еще не составляют большинства в концертном репертуаре Образцова. Потому особенно радостно, что в канун 25-летия своей эстрадной работы Образцов, словно вспомнив о возможностях своего «искусства-оружия», сделал ряд новых интересных опытов создания злободневного эстрадного репертуара. Это заявка на новый жанр, это уже не романсы, а басни с куклами. Хоро-

5. Номер окончен.

1. Был заяц приглашен к ежу на угощенье...
...Зайчишка захмелел.
— Да что мне лев! — кричит. — Да мне ль его бояться?!
...Да я семь шкур с него спущу
И голым в Африку пущу!..

2. — Так это ты шумел, болван!!!!..

3. — Но все за вас! За ваших львят! За вашу львицу!..
...Лев подхалимов обожал!..

Фото Н. Крацкина

шего союзника на этом пути С. Образцов нашел в лице поэта Сергея Михалкова.

Свежо и ярко зазвучала в исполнении Образцова известная басня Михалкова «Заяц во хмелю». Полны великолепной комедийной непосредственности сцены безмятежного хвастовства захмелевшего зайчишки, цепенеющего от ужаса, когда на ширме появляется сперва лапа, а затем и свирепая морда огромного льва (самое различие масштабов кукол как бы говорит о разнице общественных, служебных положений героев басни). Как всегда, Образцов находит множество живых, характерных деталей для воплощения диалога, для показа всех оттенков чувств и настроений «действующих лиц». И с какой язвительной насмешливостью вздыхает Образцов за ширмой, констатируя в финале приверженность безупречного льва к подхалимам!

Успех кукольного «Зайца во хмелю» побудил Образцова и Михалкова подготовить новую басню, уже специально «учитывающую» изобразительные возможности Образцова. Актер, в руках которого так изумительно оживают куклы, обретая настоящие человеческие чувства и характеры, обладает редкостной выразительностью и красноречивостью своих рук.

В басне «Руки» действуют руки как таковые — правая и левая. Выразителен и остро сатиричен их спор: кто из них важнее? Исключительный эффект производит появление над ширмой их владельца, который «рукою руку мыл и брал, где мог, обеими руками».

Словесный каламбур наглядно «овеществляется», олицетворяется, дает возможность создать острый, сатирический эстрадный номер. Хочется думать, что «Заяц во хмелю» и «Руки» не останутся эпизодом в совместном творчестве Образцова и Михалкова.

ГОРЯЧИЕ СЕРДЦА

«СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА» В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ ДРАМЫ И КОМЕДИИ

Хотя в списке действующих лиц пьесы Е. Шварца «Снежная королева» мы насчитаем не более пятнадцати персонажей, в спектакле их участвовало несравненно больше. Как только погас свет и из глубины зрительного зала послышался голос сказочника, все присутствовавшие на спектакле дети включились в представление.

Уже с первых реплик игра обещала быть необычайно увлекательной. Не успел сказочник подойти к сцене, как нарисованный на занавесе розовый куст начал расцветать, розы—распускаться, алеть, становиться все ярче и ярче (оформление художника Е. Мандельберга).

Затем занавес раздвинулся, и маленькие зрители увидели на сцене весело поющих и танцующих мальчика Кая и девочку Герду, так хорошо знакомых им по сказкам Андерсена. Они знали, какие опасности ожидают Кая и Герду, знали также и то, что «верность, храбрость, дружба разрушат все преграды».

Дети сразу подружились с храброй Гердой и ополчились против Снежной королевы. Когда Герде, у которой Снежная королева похитила брата, становилось страшно в одиночестве, ребята в зале подбадривали ее, напоминали девочке, что она не одна, что все присутствующие здесь готовы ей помочь. Они предупреждали ее об опасностях, о расставленных ловушках; они мчались вместе с оленем и Гердой сквозь пургу и метель во владения Снежной королевы, и, наконец, отыскав мальчика и освободив его от чар, вместе с Каем и его сестрой возвратились к ним в светлый, уютный домик, где уже собрались все, кто помогал Герде в ее трудном пути.

Сцена из последнего действия спектакля «Снежная королева». Справа налево: сказочник—Л. Штейнрайх, маленькая разбойница—Е. Славина, бабушка — А. Павлихина, Эльза — Н. Меркуданова, Клаус — Е. Бабич, Герда — Т. Ефремова.

Фото А. Гостева

Громко аплодируя в такт музыке, дружно, вместе с актерами напевают зрители простую, мелодичную песенку (музыка А. Школьника):

«Там, где друг за друга
С ярыми врагами
Смело и упорно
Бьются до конца,
Там на зло морозам
Расцветают розы,
И непобедимы
Горячие сердца».

Спектакль «Снежная королева» (постановщик — Ф. Шишигин), показанный Московским театром драмы и комедии, — подарок комсомольцев этого коллектива детям. В репертуаре театра не было пьес для маленьких зрителей, и по инициативе комсомольцев решено было такой спектакль создать. Актеры готовили постановку в свободное от других репетиций и спектаклей время, в выходные дни. Труд их увенчался успехом.

И. В.

Вальс на льду

Прозрачно и празднично звучит музыка в морозном воздухе. Двести пар кружатся и кружатся в вальсе. То стремительно, то плавно они несутся по кругу, образуя причудливые фигуры.

Большой вальс на льду! Этим вальсом открыли зимнюю спартакиаду 1948 года спортсмены Российской Федерации. Четыреста конькобежцев танцевали на льду.

Любой каток объединяет людей самых разных возрастов. Приходите зимой на площадку фигурного катания Центрального парка культуры и отдыха. Посреди катка вычерчивает на льду округлую восьмерку Павел Павлович Беляев, известный московский цветовод. Ему уже шестой десяток, но посетители видят его здесь почти каждый вечер.

Рядом с Беляевым скользит юная фигуристка Таня Лихарева. Вы встретите на площадке заслуженного деятеля науки и техники А. Черемухина, доктора физико-математических наук Ю. Сканави, артиста эстрады В. Лимантова, техника Н. Курушину, профессора и студента, врача и архитектора, преподавательницу и школьницу. Все они занятые люди, день которых заполнен напряженным трудом, и все-таки почти каждый вечер их можно увидеть на катке.

Вы спросите, почему они стремятся сюда?

Начните кататься, и вы ответите сами на этот вопрос.

Итак, мы едем с вами учиться танцевать вальс!

Огромный парк весь отдан конькобежцам: сверкают его дорожки, площади — все отражает лучи ламп, прожекторов, все скользит, струится, все невесомо, празднично, оживленно. И в этом царстве льда и музыки вы без коньков чувствуете себя таким неуклюжим, таким грузным. С завистью вы смотрите на проносящихся мимо вас веселых, смеющихся людей. А стоит закрыть глаза — и вам покажется, что вы подошли не к катку, а к берегу моря. Вот с шумом нахлынула, опрокинулась волна и, зашуршав, понеслась назад... Неустанно звучит шуршащий прибой на катке...

Несутся, скользят конькобежцы по льду парка, вдоль аллей. Вот и площадка фигурного катания. Вокруг нее всегда, и днем и вечером, плотным кольцом стоят зрители.

Но сегодня вы не примкнете к зрителям. Вы не будете стоять возле белого, ажурного барьера, а пойдете в гардероб, снимете пальто, наденете коньки и выйдете на лед.

Вальс—любимый танец конькобежцев-фигуристов. С его плавной, летящей вперед мелодией легко сливаются их движения. По-разному исполняется вальс на коньках. На всесоюзных соревнованиях мастера фигурного катания показывают виртуозное исполнение этого танца, требующее многих лет тренировки. На открытых спортивных состязаниях конькобежная молодежь удовлетворяется более простыми вариантами. Новички в шеренге изучают три совсем легкие па школьного вальса.

Конькобежцу, привыкшему двигаться по кругу только вперед, кажутся непреодолимо трудными повороты и скольжение назад. Поэтому-то вальс на льду представляется ему таким сложным. Но вот вы заняли исходное положение, встав устойчиво и свободно, равномерно распределив тяжесть тела на обе ноги, и ждете команды инструктора. Затем вы делаете короткий скользящий шаг — правой ногой вперед, наружу, потом левой ногой, стараясь опираться на внутреннее ребро конька, и далее проводите правую ногу назад, выполняя так называемую «засечку», т. е. пересекая след конька левой ноги.

В тот момент, когда правая нога занесена назад, присядьте на нее и затем выпрямитесь. Вот вы и повернулись на полкруга — сделали поворот на 180 градусов. Повторите эти три движения, и вы совершите полный вальсовый поворот.

Три па школьного вальса и для партнера и для партнерши одинаковы. Танцуя в паре, нужно учесть только одно: партнерша начинает движения со счета «раз», а партнер—со счета «два», т. е. партнер начинает танец с левой ноги. Это необходимо для того, чтобы одновременно совершить поворот. Когда партнер делает «засечку», выполняя движение счета «три», партнерша уже делает движения на счет «раз», т. е. выводит правую ногу из «засечки», делая шаг вперед.

Таковы три несложных движения простого школьного вальса.

Уже на втором занятии вы ощутите радость танцевального скольжения, кружась на льду в ритм с музыкой. И сразу преобразится все вокруг — и зима и каток. Вы танцуете вальс, и с вами вместе кружатся снежинки. Они пляшут в свете электрических фонарей, как высыпанные неведомым великаном сверкающие конфетти... И даже ветер здесь, на катке, стал спутником в вашем радостном, скользящем полете.

Г. САМСОНОВ

Чемпионы СССР по фигурному катанию С. Васильев и Ю. Калашнова.

Фото Г. Корабельникова

Папы всякие бывают...

ПАПА-ОТЛИЧНИК

— Вот ты не хочешь... А папа всегда решает за меня задачи. Папа хочет, чтобы я был отличником.

ЛЮБЯЩИЙ ПАПА

— Почему она увела Майю?
— Ее папа так любит своего начальника, что позволяет Майе играть только с его ребятами.

ОПЫТНЫЙ ПАПА

— Смотри! Володька сразу высовывает язык, а папа сначала получил бюллетень, а язык показал, когда доктор ушел...

ИЗ ПРОШЛОГО

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЧАСЫ НЕЧАЕВА

Из истории русской техники известно об изумительном мастерстве русских механиков-часовщиков.

Мировой известностью пользуются «часы яичной фигуры», сделанные в 1767 году знаменитым русским механиком-самоучкой Кулибиным. Они показывали время, отбивали часы, половинки и четверти часа и заключали в себе крохотный театр-автомат, в котором каждый час происходило театральное представление мельчайших фигурок.

Часы Кулибина интересны как чудо миниатюрной автоматики. Но были и другие замечательные русские часовщики, которые стремились создать механизмы, показывающие не только часы и минуты, но и числа, дни недели, месяцы, годы, положения, в каком находятся в данный момент Солнце или Луна, и другие астрономические данные.

Известно, что такие часы, в результате одиннадцатилетнего упорного труда, удалось сделать в конце XVIII столетия изумительному русскому механику-часовщику, тоже самоучке, Терентию Михайловичу Волоскову. Эти астрономические часы до сих пор считались уникальными.

Автор настоящих строк нашел сведения о другом талантливом русском часовщике, который независимо от Волоскова изготовил подобные астрономические часы.

В 1851 году простой часовой мастер Нечаев, двадцать семь лет проработавший по этой специальности, изготовил редкостный «астрономический регулятор с хронометрическим маятником и горизонтальным ходом».

Циферблат «регулятора» показывал часы, минуты, числа, дни недели, месяцы, часы восхода и захода солнца на каждый день по петербургскому времени, год простой и високосный, долготу дней и ночей. Завод часов был недельный.

Описание этих удивительных часов и некоторые сведения об изготовившем их часовщике Нечаеве были сообщены в научно-литературном журнале «Москвитянин», в номере пятом, за 1852 год.

В. РЫБАСОВ

УНИКАЛЬНАЯ ЧАША ИЗ МАЛАХИТА

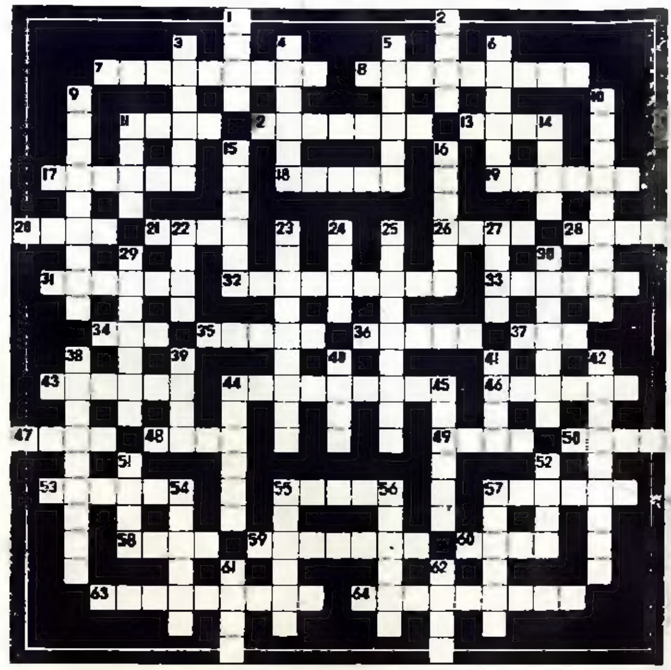
В начале XIX столетия искусный гранильщик «государственный крестьянин» Вологодской губернии Федор Михайлович Шубин после двух лет упорной работы сделал из пятнадцатипудовой глыбы малахита уникальную чашу, у которой, как тогда сообщали, «окружность—5 аршин и высота — две четверти аршина».

Эта чаша была куплена датским посланником за тридцать семь тысяч рублей у владельца гранильной мастерской, где работал Шубин, и вывезена за границу.

В. Р.

КРОССВОРД «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО»

Составил читатель «Огонька» [illegible] ПОПОВ (Сыктывкар).

По горизонтали:

7. Персонаж из поэмы Гоголя «Мертвые души». 8. Русский поэт. 11. Роман Леонова. 12. Советский артист. 13. Пьеса Маяковского. 17. Образцовое произведение искусств. 18. Музыкально-драматическое произведение. 19. Иранское стихотворение. 20. Музыкальный ансамбль. 21. Часть пьесы, исполняемая актером. 26. Повесть Горького. 28. Произведение. 31. Автор драмы «Коварство и любовь». 32. Перечень пьес, идущих в театре. 33. Персонаж из пьесы А. Н. Островского. 34. Один из певцов в одноименном рассказе Тургенева. 35. Советский писатель. 36. Заключительный акт. 37. Произведение Гоголя. 43. Зеленоватый налет на бронзовых скульптурах. 44. Персонаж итальянских комедий. 46. Советский журнал. 47. Один из лучших театров страны. 48. Герой произведения Дюма. 49. Мифический корабль аргонавтов. 50. Ускорение и замедление тактов в танцах. 53. Русский эпос. 55. Музыкальный термин. 57. Деятель сцены. 58. Музыкальный инструмент. 59. Персонаж из «Чайки» Чехова. 50. Один из массовых видов искусства. 63. Герой комедии Гоголя. 64. Иносказание.

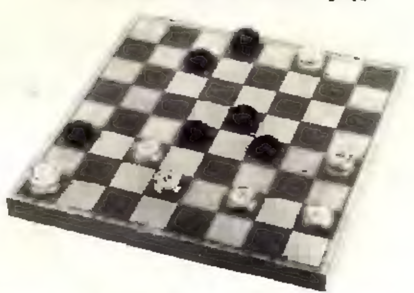
По вертикали:

1. Роман А. Н. Толстого. 2. Скорость в музыке. 3. Часть зрительного зала. 4. Герой пьесы Ростана. 5. Русский композитор и музыкальный критик. 6. Полный сбор. 9. Пробное исполнение пьесы. 10. Ваятель. 11. Освещение. 14. Положение, принимаемое телом. 15. Французский драматург. 16. Театральная профессия. 22. Краска. 23. Персонаж из комедии Грибоедова. 24. Героиня произведения Лермонтова. 25. Персонаж из пьесы А. Н. Островского. 27. Музыкальный термин. 29. Один из помещиков, к которому заехал Чичиков. 30. Русский художник. 38. Русский актер-трагик. 39. Название картины Левитана. 40. Героиня романа Флобера. 41. Музыкальный инструмент в виде бубна. 42. Русский критик. 44. Персонаж из трагедии Шекспира. 45. Советская поэтесса. 51. Символ искусств. 52. Первая часть сюиты Грига. 54. Персонаж из романа Шишкова «Угрюм-река». 55. Герой произведения Дюма. 56. Трагедия Шекспира. 57. Советский режиссер. 61. Имя одной из «Трех сестер» А. Чехова. 62. Музыкальная мелодия, лежащая в основе композиции.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

ЗАДАЧА
Н. Пустынникова (Ленинград)

Белые начинают и запирают простую черных.

На обложке—картина художника Ф. Решетникова „Прибыл на каникулы." На последней странице обложки — цветное фото П. Шагина.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, И. Я. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. УРАЗОВА

А — 11336 Подписано к печати 23/XII 1948 г. Изд. № 59. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ № 2694. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПРИОБРЕТАЙТЕ
ОБЛИГАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
3%
ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО
ЗАЙМА
ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ
6 основных и 1 дополнительный тираж выигрышей
Основные тиражи состоятся 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября; дополнительный тираж — 30 сентября каждого года.
В основных тиражах участвуют все облигации, независимо от срока их приобретения. В дополнительных тиражах участвуют облигации, приобретенные не менее чем за 9 месяцев до срока тиража.
В каждом тираже разыгрывается следующее количество выигрышей:
Размер выигрыша | в основном тираже | в дополнительном тираже
100.000 рублей | — | 1
50.000 рублей | 2 | 5
25.000 рублей | 5 | 25
10.000 рублей | 25 | 80
5.000 рублей | 80 | 800
1.000 рублей | 700 | 2.300
400 рублей | 7.688 | 8.289
ВСЕГО | 8.500 | 11.500
ОБЛИГАЦИИ ПРОДАЮТСЯ И ПОКУПАЮТСЯ
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ

Цена 3 руб.